

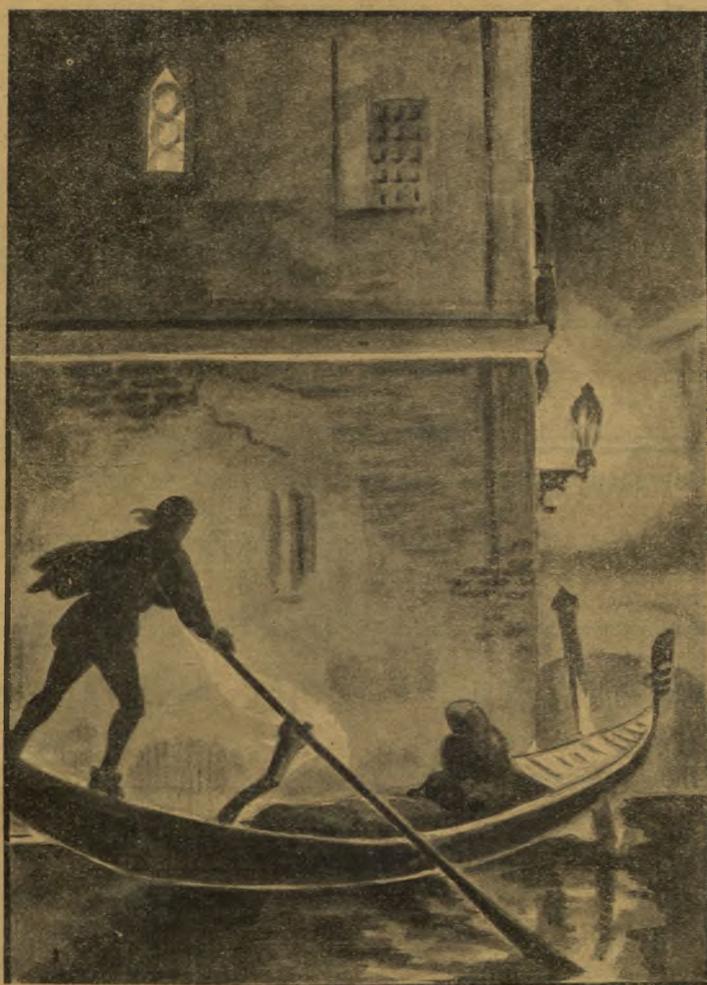

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 19

ОКТАБРЬ

1926 г.

Большой конкурс фотографа-любителя.

Журнала „ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“.

Приёмъ работъ на конкурсъ закрывается
===== 15-го октября с. г. =====

За лучшія работы будутъ выданы цѣнные преміи:

- 1) Фотографическій аппаратъ „Reflex“ 6×9 стоимостью . . . 3.500 руб.
- 2) Увеличительный аппаратъ 2,500 „
- 3) Наборъ „бромъ-масла“ для трехкрасочной печати . . . 1.500 „
- 4) Полный лабораторный наборъ 1.500 „
- 5) Полный наборъ для проявленія 1.500 „
- 6) Полный наборъ для печатанія 1.500 „

Общая стоимость премій свыше
— 240 Ls. — 12.000 рублей. —

Изъ лучшихъ работъ фотографовъ-любителей, ко дню присужденія премій по конкурсу, будетъ устроена въ Ригѣ

===== В Ы С Т А В К А =====

Выставляемые работы будутъ увеличены до размѣровъ картинъ.

Работы адресовать:

Latvija. Rīgā, Valdemara ielā 63, редакція журн. „Юный Читатель“.
„Фотографъ“.

Шестой талонъ большого конкурса „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“.

Имя и фамилія

Адресъ

Количество снимковъ

Срокъ отправки талона 12-е октября с. г.

Ю Н Ы Й Ч И Т А Т Е Л Ь

1926 г.

IV.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «САЛАМАНДРА»

РИГА.

Печатано въ типографіи
Акц. Об-ва Печ. Дѣла „САЛАМАНДРА“.
Рига, Бл. Кузнечная ул. № 43.

Разсказъ Вл. Лодыженскаго.

Почти всю жизнь былъ я охотникомъ. Я не сумѣю теперь сказать, что больше привлекало меня, — охотничья ли страсть, или та природа, съ которой жить вмѣстѣ охотникъ. Вѣроятно, и то и другое. Я, по крайней мѣрѣ, не умѣю отдѣлать въ своихъ воспоминаніяхъ охотничьихъ радостей отъ непрерывнаго наслажденія природой.

Развѣ плохо бродить по полямъ, по нетронутой еще цѣлинной степи, или около тихихъ рѣчныхъ заводей? Подходишь, бывало, къ камышистымъ затонамъ рѣки и уже издали слышишь осторожное криканье утокъ; изъ-подъ ногъ по прибрежнымъ болотцамъ вырвется иногда бекасъ или дупель. А изгибъ рѣки блестятъ подъ заходящимъ солнцемъ, соломенные крыши избъ на противоположномъ берегу отливаютъ золотомъ... Хорошо! Если бы теперь ружье да собаку, — отличную можно бы устроить охоту.

Ружье было получено. Правда, не мной, а моимъ братомъ, по случаю его именинъ, но это было отличное, маленькое двуствольное ружье. Мнѣ было обѣщано совершенно такое же черезъ годъ ровно. Это мнѣ казалось не совсѣмъ справедливымъ, потому что мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ, и, приговорясь къ столічному учебному заведенію, я уже выучилъ три латинскихъ склоненія. Но бабушка была всегда противъ такого подарка и насилу примирилась съ ружьемъ брата. Она была вполне увѣрена, что ружье стрѣляетъ всегда, когда ему вздумается, и что поэтому могутъ быть разные несчастные случаи. Но все равно, ружье было у брата, и мы могли

пойти на охоту вмѣстѣ. Мы такъ и сдѣлали.

Раннимъ утромъ, когда еще роса блестяла на стебелькахъ травъ, вышли мы изъ дому. Узкой тропинкой другъ за другомъ пробрались мы сквозь ольховую рощу, обжигаясь о высокую крапиву и поживаясь отъ капель росы, словно рѣдкимъ дождемъ обдававшей насъ снизу и сверху. Шли мы молча, сознавая важность предстоявшаго намъ дѣла. Такъ молча мы и вышли на пойму рѣки, по которой разбросаны были болотца. А дальше, сейчасъ же за поймой, начинались поля, и далеко за горизонтъ убѣгала безграничная степь. Сѣно на поймѣ только что убрали, и на ней стояли стога, словно дѣтьми окруженные маленькими копнами, оставленными на поправку. На опушкѣ рощи мы остановились передохнуть и обдумать планъ охоты, — дѣло не шуточное. Такъ же, конечно, думалъ и мой пріятель, — подпасокъ Андрюшка, который, какъ только завидѣлъ насъ, бросивъ и стадо коровъ у рѣки, и спавшаго подъ деревомъ пастуха, помчался къ намъ навстрѣчу.

— Сичасъ я вонъ на энтѣмъ болотѣ спугнулъ долгоносаго. А онъ покружился, покружился да и опять сѣлъ... Вонъ за энтимъ, за крайнимъ стогомъ.

— Это дупель, — почему-то очень увѣренно сказалъ братъ: — если бы собака, она сейчасъ бы его нашла и сдѣлала стойку.

Но собаки у насъ не было, и это нѣсколько затрудняло нашъ охотничій планъ.

— Его нужно выгнать, — сказалъ Андрюшка. — Только онъ больно

крѣпко сидить. Иной разъ мимо прой-
дешь, чуть на хвостъ не наступишь, а
онъ притаится за кочкой и не летитъ.
Птица, а тоже умъ свой въ себѣ имѣетъ.

Такъ и пошли мы на болото вытанты-
вать дупелей. Посрединѣ — братъ съ
ружьемъ, справа я, а слѣва Андрюшка.
Съ братомъ уговорились мы стрѣлять по
очереди. Первый выстрѣлъ принадле-
жить ему и по первородству, и по праву
владѣнія ружьемъ. Съ полчася топтались
мы по болоту. Солнце начинало уже по-
рядочно припекаеть. Скуиное это дѣ-
ло — вытантывать дичь. А главное,
очень ужъ однообразное. За цѣлые пол-
часа все то же самое, и ни одного при-
ключенія, если не считать того, что я
уцаль, споткнувшись о кочку, и выпач-
калъ себѣ грязью лицо и бѣлую лѣтнюю
куртку. За куртку, должно быть, попа-
детъ дома, но вѣдь на охотѣ безъ
этого невозможно.

И вдругъ, когда мы было уже совсѣмъ
отчаялись въ своемъ предпріятіи, изъ-
подъ ногъ Андрюшки вырвался дупель.
Андрюшка радостно закричалъ:

— Вотъ онъ, вотъ онъ! Палите въ
него, въ долгоносаго!

И черезъ нѣсколько секундъ грянулъ
выстрѣлъ. Это былъ первый выстрѣлъ
моего брата. И когда разсѣялся бѣлый
дымокъ этого выстрѣла, мы стали гля-
дѣть. Дупель летѣлъ уже далеко, опи-
сывая дугу и опускаясь къ хлѣбамъ.

— Умирать полетѣлъ, — презритель-
но сказалъ Андрюшка. — Ну да ничего.
онъ назадъ въ болото вернется. Кругомъ
степь да сушь, а онъ этой суши не ува-
жаетъ. А вы въ другой разъ не горяч-
читесь.

Но братъ и не горячился. Онъ былъ
близорукъ, и потому, когда вылетала
птица, онъ считалъ необходимымъ пре-
жде всего поправить пенснэ на носу, а
потомъ уже поднять курки ружья и раз-
глядѣть птицу. Сколько я припоминаю,
онъ съ дѣтства отличался чрезвычайной
обстоятельностью. А я вотъ, напротивъ,
былъ очень горячъ. Поэтому я сразу
взвелъ курки ружья и пошелъ впередъ
съ гордымъ видомъ побѣдителя.

— Тутъ уже ничего нѣтъ. Пойдемте
въ другое болото, — сказалъ Андрюшка.

И какъ разъ въ это время на тихій
затонъ рѣки, красиво задерживая по-
летъ, опустилась стайка утокъ. Стайка
тотчасъ же хлопотливо разбѣжалась по

Дупель летѣлъ дальше, опускаясь къ хлѣбамъ.

камышамъ. Это совсѣмъ мѣняло нашъ
планъ.

— Теперь къ нимъ надо на брюхѣ
ползти, — говорилъ Андрюшка, торопясь
и шлепая лантями по лужамъ. — Какъ
выйдемъ, такъ и пополземъ.

И поползли... Впереди я, за мной
братъ, все время поправлявшій пенснэ,
а позади Андрюшка. Такъ доползли мы
до берега.

— Теперь лежи и вишкни! — ско-
мандовалъ Андрюшка.

Хорошо было лежать на солнечномъ
припекѣ въ зеленой травѣ. Я смотрѣлъ
на тихую воду, на неподвижные камы-
ши, и мнѣ вспоминалась какая-то сказ-
ка, гдѣ все безмолвно и зачаровано, гдѣ
все любитъ своей красотой. Зачаро-
ванное безмолвіе было однако нарушено
прерывистымъ шопотомъ Андрюшки:

— Смотрите, смотрите, вонъ они!

Изъ камышей, осторожно оглядыва-
ясь, выплывали утки... Сердце мое за-
билося такъ сильно, что я не помню те-
перь, какъ я поднялъ ружье и какъ вы-
стрѣлилъ. Оттого, что я стрѣлялъ лежа,
слабо держа ружье въ рукахъ, лѣжа боль-
но ударила меня въ щеку, словно плюху
дала. Но Андрюшка уже визжалъ отъ
радости: убитая утка, эта первая моя
охотничья жертва, недвижимо лежала на
водѣ.

— Собака бы ее принесла, — спра-
ведливо замѣтилъ братъ.

Но собаки у насъ не было, и потому
Андрюшка, одинъ изъ всѣхъ умѣвшій
плавать, раздѣвшись, сплавалъ за уткой
и принесъ ее дѣйствительно по-собачьи
— въ зубахъ.

Торжество наше было полнымъ. Но
встрѣчено оно было дома довольно хо-
лодно. Бабушка удивлялась тому, что
ружье меня не убило; гувернантка, по-
смотрѣвъ на мой костюмъ, утверждала,
что я дикарь, чему я рѣшительно не
вѣрилъ, потому что дикари, по моему,
ходятъ совершенно голыми. А наступилъ

пригнавшій коровъ на полдень, и для
этого только что проснувшійся, говорилъ
наставительно Андрюшкѣ:

— Ты бы лучше коровами занимал-
ся, чѣмъ за птицами бѣгать. А то вотъ
какъ надеру тебѣ вихры, такъ будешь
глядѣть въ оба.

... И все-таки я всегда съ радо-
стью вспоминаю свою первую охотничью
жертву. Это она пристрастила меня къ
охотѣ. А нашу русскую, безконечно ми-
лую природу, которая кажется мнѣ луч-
ше всяческихъ иностранныхъ, вы ни-
когда не узнаете, если вы не натура-
листъ и не нашъ братъ-охотникъ...

Одна утка была убита.

ОСЕНЬ НА УКРАИНѢ.

Мила мнѣ осень Украины:
Увитый тыквами плетень,
Кусты коралловой калины
И подъ соломою курень.

Въ лѣсу и въ полѣ гонъ охоты,
Баштаны арбузовъ и дынь,
Янтарно-тающіе соты
И увядающій польнь.

Мила мнѣ осень Украины:
Въ поляхъ бродящія стада,
И крикъ прощальный журавлиный,
И точно зеркало вода.

Въ багрянцѣ яблони и сливы,
И точно въ золотѣ лѣса...
Какъ эти дни ея красивы!
И какъ прозрачны небеса!

Виталій Вячеславскій.

И С Т О Р И Я СТРАННАГО ВЕНЕЦИАНСКАГО ВЕЛЬМОЖИ. УБАЛЬДО ЦИАНИ

Около 1523 г. въ Венеціи жилъ богатый вельможа, по имени Убальдо Ціани. Молодой, красивый, онъ любилъ наряды, роскошную обстановку и былъ до того щедръ и расточителенъ, что еслибъ не владѣлъ, поистинѣ, неисчерпаемыми богатствами, то непременно разорился бы вгухъ и вирахъ. Венеціанскій дожъ и Совѣтъ Десяти, знавшіе черезъ сыщиковъ и шпионовъ, что Убальдо относится совершенно равнодушно къ политикѣ, и что онъ никогда не участвуетъ ни въ какихъ заговорахъ, предоставляли молодому вельможѣ полную свободу бросать на всѣ четыре стороны деньги и относились благодушно ко всѣмъ его выходкамъ и фантазіямъ. Убальдо же заботился только объ одномъ: какъ бы хорошенько повеселиться, какъ бы испытать какое-нибудь новое, неизвѣданное еще удовольствие.

Наконецъ, ему стало уже трудно чего-либо желать; онъ былъ пресыщенъ развлеченіями, забавами и удовольствіями,

и лишь одна страсть оставалась у него — тщеславіе, — стремленіе постоянно слышать похвалы.

Разумѣется, всѣ его знакомые, въ особенности венеціанскія дамы, наперывъ другъ передъ другомъ старались осыпать похвалами такого молодого, красиваго и богатаго вельможу. Но скоро Убальдо пресытился ихъ похвалами.

Дворецъ Убальдо, изъ бѣлаго и розоваго мрамора, съ причудливыми арабесками и ажурными украшеніями балконовъ, глядѣлся въ воды большого канала. Черезъ открытыя окна его можно было, среди тысячи другихъ сокровищъ, увидѣть богато расписанные потолки, ковры, тканые серебромъ и золотомъ, и занавѣси изъ тяжелой ярко-пурпурной шелковой матеріи. Часто, лишь только спускалась ночь, къ мраморнымъ ступенямъ дворца причаливали цѣлыя флотиліи легкихъ гондолъ, въ которыхъ сидѣли самые знатные вельможи Венеціи со своими женами и дочерьми. Тогда во дворцѣ начинался пиръ; до утра гремѣла музыка, давались представленія, танцевали, играли въ карты. Въ другіе дни самъ Убальдо отправлялся на торжество къ дожу, или на балъ къ какому-нибудь венеціанскому вельможѣ. Но никогда онъ не выходилъ изъ дворца одинъ, безъ свиты, — его всегда сопровождали пажъ, оруженосецъ и множество слугъ, которые

должны были разгонять на пути его надобливыхъ нищихъ, привлекаемыхъ слухами о богатствѣ и щедрости Увальдо. Благодаря этимъ мѣрамъ предосторожности, никто не беспокоилъ просьбами Увальдо, и ничто никогда не напоминало ему о существованіи на свѣтѣ людей, обиженныхъ судьбой, голодныхъ и несчастныхъ.

Однажды вечеромъ онъ вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую скуку и тоску, и собравшись въ гости къ одной молодой венеціанской красавицѣ, Моннѣ Малѣ, вздумалъ идти нѣшкомъ, а не ѣхать въ гондолѣ, какъ дѣлалъ обыкновенно, и къ тому же идти одинъ, безъ свиты.

Онъ открылъ дверцу позади дворца, предназначенную для прислуги, и скоро, пройдя переулокъ, очутился на площади Пиацетта.

Присутствіе молодого вельможи тотчасъ же было замѣчено нищими, находившимися на площади. Хотя Увальдо шелъ на этотъ разъ одинъ, безъ свиты, все же бѣдняки, окидывая удивленными глазами его великолѣпную парчевую одежду, вышитую жемчугомъ, украшенную золотомъ и драгоценными камнями, не осмѣливались подойти къ нему, а стоя поодаль, низко кланялись. Только одна старушка, болѣе смѣлая, чѣмъ остальные, подошла близко къ Увальдо и этимъ движеніемъ вывела его изъ задумчивости. Товарищи тотчасъ же стали тянуть ее назадъ, говоря шопотомъ:

— Не подходи къ нему: Увальдо Циани такой важный и богатый баринъ, что никогда не снизойдетъ къ нашей нищетѣ.

Молодой вельможа не обратилъ бы никакого вниманія на эти рѣчи бѣдняковъ, но его поразило выраженіе безграничнаго горя на лицѣ старой нищей, подошедшей къ нему. Онъ прочелъ въ ея темносинихъ глазахъ безнадежное отчаяніе и какую-то нѣмую мольбу, проникавшую ему въ душу. Черезъ нѣсколько секундъ нищая вырвалась изъ рукъ товарищей, удерживавшихъ ее, и подошла совсѣмъ близко къ вельможѣ. По правдѣ сказать, Увальдо былъ неприятно пораженъ, когда ея худая, морщинистая рука прикоснулась къ нему; но вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ сильное смущеніе. Какъ богатый вельможа, извѣстный всей Венеціи, пользующійся всюду безграничнымъ довѣріемъ, онъ никогда не трудился самъ платить за что-либо и поэтому

Конкурсъ фотографовъ.

Венеція. Большой каналъ.
Фот. Ферри.

никогда не носилъ съ собой денегъ. А между тѣмъ взглядъ старой нищей продолжалъ молить его. Увальдо, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что въ немъ происходитъ, и не думая ни о чемъ, поспѣшно оторвалъ украшавшій его одежду громадный, чудной воды брильянтъ и положилъ его въ руку нищей. Смущенная такою неслышанной щедростью, просительница сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла отъ волненія и робко спросила:

— Можетъ быть, вы смѣтаете надо мной, синьоръ? Или вы это сдѣлали нечаянно? Неужели можно отдать такой великолѣпный, такой драгоценный камень?

Этотъ вопросъ удивилъ Увальдо, и онъ отвѣтилъ безпечно:

— Увѣрю тебя, брильянтъ твой; я далъ тебѣ его отъ всего сердца.

Тогда женщина подняла на него свои глубокіе темносиніе глаза и послѣ минутнаго молчанія проговорила слабымъ, надтреснутымъ голосомъ, въ которомъ слышались и слезы, и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечная нѣжность:

— Вы очень добры, синьоръ Циани.

Она вложила въ эти простыя слова выраженіе такой благодарности и такого довѣрія, что, услыхавъ ихъ, Увальдо, которому еще никто никогда не говорилъ ничего подобнаго, вздрогнулъ и почувствовалъ, точно на него повѣяло какой-то неясной, неопредѣленной, но чарующей лаской. Когда онъ страхнулъ съ себя это странное, охватившее его ощущеніе, нищая уже исчезла, затерялась въ толпѣ своихъ товарищей. А онъ задумчиво продолжалъ свой путь.

II.

Монна Малья замѣтила, что въ этотъ разъ ея гость какъ-то необыкновенно разсѣянъ и задумчивъ.

— Что съ вами, синьоръ Убальдо? — спрашивала она его. — Отчего вы глядите такъ невесело? Чего недостасть вамъ, счастливый смертный? Вы молоды, красивы, богаты, всѣ васъ любятъ и уважаютъ.

— Любятъ и уважаютъ! А, за что, скажите мнѣ, синьора?

— Какъ за что? За то, что изъ всѣхъ венеціанскихъ вельможъ вы самый храбрый, самый красивый, самый гордый и самый щедрый! За то, что вы съ такой отвагой, такъ легко и ловко, точно играя, умѣете справиться съ самыми дикими конями! За то, что вы владѣете шпагой лучше всѣхъ, за то, что вы танцуете удивительно гибко и граціозно, что вы одарены удивительнымъ вкусомъ! За то, что вы лучше всякой великосвѣтской дамы знаете толкъ въ нарядахъ и драгоценныхъ камняхъ и одѣты всегда удивительно изящно.

Сказавъ все это почти безъ передышки, Монна Малья наконецъ остановилась, чтобы перевести духъ. Убальдо улыбнулся съ проницей и сказалъ:

— Вы насказали мнѣ много комплиментовъ, синьора Малья, я слышалъ ихъ и отъ другихъ, слышалъ такъ часто, что сталъ равнодушенъ къ нимъ. А между тѣмъ, есть одно пріятное слово, сказанное мнѣ всего одинъ только разъ; и, когда я услышалъ его, оно взволновало меня до глубины души, оно удивило и обрадовало меня. Отгадайте это слово и повторите мнѣ его.

Монна Малья ничего не могла придумать; она уже истощила весь запасъ похвалъ, наиболѣе пріятныхъ венеціанскимъ вельможамъ, и потому не могла и представить себѣ, чего еще могъ желать ея гость.

Убальдо вздохнулъ.

— Не ломайте себѣ напрасно голову, синьора, — говорилъ онъ. — Мнѣ хотѣлось услышать отъ васъ одно только, что я добръ.

Донна Малья засмѣялась.

— Вы шутите, синьоръ Ціани, — воскликнула она: — можетъ ли доброта имѣть какое-либо значеніе для такого знатнаго вельможи, какъ вы?

Убальдо не обратилъ вниманія на мысль, высказанную его собесѣдницею, и только съ безпознаниемъ спросилъ ее:

— Вы развѣ не думаете, что я дѣйствительно добръ?

Увидѣвъ, что Убальдо говоритъ совершенно серьезно и нимало не шутитъ, Малья перемѣнила тонъ:

— О, синьоръ Ціани, неужели можете быть сомнѣніе въ томъ, что вы добры, развѣ вы считаете доброту необходимой? Если въ вашихъ глазахъ это качество выше всѣхъ остальныхъ качествъ, значить, вы обладаете имъ. Но спрашиваю васъ, другъ мой, чѣмъ же эта скромная, такъ сказать, вульгарная добродѣтель можетъ украсить вашу жизнь, и кому могла придти въ голову странная и смѣшная мысль хвалить васъ за нее?

Убальдо отвѣтилъ серьезно:

— Старой нищей на площади Піацетта.

Донна Малья громко расхохоталась и сказала съ явнымъ раздраженіемъ въ голосъ:

— И вы, вѣроятно, заплатили ей за такой рѣдкостный комплиментъ цѣлою горстью монетъ? Если доброта состоитъ въ томъ, чтобы сыпать деньгами, вы, конечно, достаточно богаты, чтобы такимъ путемъ добыть эту добродѣтель. Вернитесь на Піацетту, бросайте тамъ свое золото на мостовую, и кругомъ раздастся громкій хоръ несчастныхъ оборванцевъ, которые будутъ прославлять васъ...

Видя гнѣвъ донны Мальи и не желая заводить ссору, Убальдо поспѣшилъ встать и, распрощавшись, ушелъ.

И вотъ какая мысль мучила его всю дорогу:

«Самъ о себѣ я знаю слишкомъ мало; другіе же только и дѣлаютъ, что рассточаютъ мнѣ лесть. Какъ же добратся, какъ узнать, правду ли сказала мнѣ старая нищенка?»

III.

Эта самая мысль неотступно пресѣдовала Ціани и весь слѣдующій день. Минутами онъ радовался, вспоминая неожиданную похвалу старой нищей, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ въ ушахъ его раздавался смѣхъ Мальи, и этотъ смѣхъ нарушалъ его очарованіе.

Вечеромъ Убальдо вышелъ опять безъ свиты на Піацетту, затѣмъ обѣгавъ кварталы, въ надеждѣ встрѣтить старую

нищую. Но ея нигдѣ не было видно. Тогда онъ подумалъ, что она продала дорогой брильянтъ, который онъ ей далъ, и теперь, не нуждаясь болѣе, спокойно живетъ у себя на квартирѣ. Такимъ образомъ ему никогда не удастся навѣрное узнать, сказала ли она слова, такъ сильно взволновавшія его, дѣйствительно отъ чистаго сердца, или же это была обыкновенная лесть. Вспоминая о старухѣ, Убальдо на пути своемъ надѣлялъ богатой милостыней всѣхъ встрѣчавшихся ему бѣдняковъ; но напрасно искалъ онъ въ ихъ глазахъ и въ голосѣ того выраженія безконечной благодарности, которое такъ сильно поразило его въ старой нищей.

Убальдо замѣтилъ, что эти бесполезные поиски мало-по-малу лишаютъ его прежней беззаботности, отвлекаютъ отъ прежнихъ удовольствій.

Съ этимъ ощущеніемъ пустоты и унынія, часто раздражавшимъ его въ послѣднее время, Убальдо шелъ однажды вечеромъ по Пиацеттѣ, направляясь къ одному изъ своихъ знакомыхъ на маскарадъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что чьи-то пальцы робко прикоснулись къ складкамъ его плаща. Онъ быстро обернулся, и вся кровь мгновенно прихлынула къ его сердцу. Онъ увидѣлъ передъ собой старую нищую, которую такъ долго и напрасно искалъ. Она отступила на два шага и стала кротко ждать, чтобы онъ заговорилъ. Убальдо только тогда замѣтилъ, что она была не одна. Другая женщина, съ лицомъ блѣднымъ, какъ смерть, но еще молодая, и такъ же бѣдно одѣтая, какъ и старуха, стояла около нея въ тѣни арки.

— Не бойся, подойди ко мнѣ, — сказалъ Убальдо старухѣ съ такой мягкостью, которой онъ самъ удивился. — Ты, можетъ быть, хочешь еще что-нибудь попросить у меня? Вѣроятно, продажа того брильянта не вывела тебя изъ нужды? Говори, — я готовъ помочь тебѣ. Только прошу объ одномъ, не благодари меня, какъ въ тотъ разъ, льстивой рѣчью. Ты сама знаешь, что я страшно богатъ, и потому подарить тысячный брильянтъ для меня то же, что другому подать ломъ хлѣба. А между тѣмъ я могъ повѣрить твоимъ словамъ и вообразить изъ-за такого ничтожнаго поступка, что я дѣйствительно добръ?

Прошло мгновеніе сосредоточеннаго

молчанія, и старуха, устремивъ на молодого вельможу глубокой взглядъ своихъ темносинихъ глазъ, повторила слабымъ, надтреснутымъ, но полнымъ нѣжнаго и глубокаго довѣрія голосомъ, прежнія слова:

— Синьоръ Убальдо Ціани, да, вы — добрыи!

Какъ и въ тотъ разъ, Убальдо почувствовалъ въ душѣ своей радостный трепеть, — слова старухи воскресли въ сердцѣ его прежне очарованіе.

Между тѣмъ старая нищая, обернув-

Конкурсъ фотографовъ.

Венеція. Видъ съ лагуны на площ. св. Марка. Фот. Ферри.

шись къ своей блѣдной товаркѣ и пригласивъ ее жестомъ подойти ближе къ Убальдо, проговорила съ тѣмъ же выраженіемъ горячей увѣренности:

— Вотъ тотъ, кто облегчитъ твое горе.

Обливаясь слезами, молодая женщина упала на колѣни передъ Убальдо и подробно рассказала о своемъ несчастіи. Ея мужъ-рыбакъ работой своей, ловлей рыбы и починкой сѣтей, едва пропитываетъ свою семью, жену и троихъ дѣтей. Въ довершеніе бѣды, вслѣдствіе неожиданнаго набѣга турокъ, Совѣтъ Десяти издалъ новое постановленіе о наборѣ рекрутъ, и мужъ ея, — его звали Бембо Марини, — попалъ въ списокъ новобранцевъ-матросовъ, долженъ или явиться завтра на военный корабль, или найти себѣ къ тому времени замѣстителя. Но предполагаемая экспедиція считается до того опасной, что никто, даже послѣдній бѣднякъ ни за какія деньги не рѣшается идти на войну вмѣсто Бембо Марини; а если онъ уѣдетъ, то что же станетъ съ его женой и дѣтьми?

— Найдите замѣстителя, — сказалъ Убальдо Ціани, — и я охотно заплачу

сумму, какъ бы она ни была велика.

Жена рыбака съ отчаяніемъ покачала головой.

— Всѣ наши сосѣди такіе же бѣдняки, какъ мы сами, тѣмъ не менѣе я не знаю среди нихъ ни одной матери, сестры или жены, которыя согласились бы промѣнять на все золото міра сына, брата или мужа своего и отдать его въ когти почти неизбѣжной смерти. Къ тому же осталось слишкомъ мало времени: завтра на разсвѣтъ мужъ мой долженъ явиться на корабль, стоящій въ гавани Санъ-Николо. Что же могу я сдѣлать въ одну ночь? Нѣтъ, если вы, синьоръ Убальдо, всемогущимъ своимъ вліяніемъ не добьетесь того, чтобы изъ списка новобранцевъ вычеркнули имя моего мужа, мы безвозвратно погибли.

Хотя молодой вельможа и не занимался никогда политикой, но онъ слишкомъ хорошо зналъ духъ, господствовавшій въ Совѣтѣ Десяти, и сразу понялъ все неудобство, даже болѣе того, всю опасность, которую навлекло бы на него вмѣшательство въ это дѣло. Совѣтъ не повѣрить, что лишь простое чувство состраданія и желаніе помочь ближнему руководить имъ; онъ заподозрѣтъ въ этой попыткѣ помощь какому-то несчастному рыбаку честолюбивое желаніе приобрести популярность, выдвинуться впередъ. Размышляя о неприятныхъ послѣдствіяхъ, которыя навлекла бы на него подобнаго рода просьба, даже если бы на нее послѣдовалъ отказъ, Убальдо стоялъ въ нерѣшительности, опустивъ глаза. Изъ состраданія онъ все же пытался утѣшить молодую женщину и сказалъ ей самымъ мягкимъ тономъ:

— Перестаньте плакать, дитя мое. Обѣщаю вамъ всѣми силами постараться спасти вашего мужа. Повторите еще разъ его имя.

— Бембо Марини, добрый синьоръ, — сказала молодая женщина, вставая съ колѣнъ и не осмѣливаясь больше просить молодого вельможу. Въ эту минуту Убальдо Ціани повернулъ голову, точно его кто-то подтолкнулъ, и глаза его встрѣтились съ ясными синими глазами нищей. Онъ прочелъ въ этомъ взглядѣ такую горячую мольбу, что всѣ его колебанія исчезли, и онъ твердо рѣшилъ во что бы то ни стало спасти семью несчастнаго рыбака.

Не слушая словъ благодарности, ко-

торыя обѣ женщины послали ему вслѣдъ, Убальдо Ціани быстро повернулъ назадъ, отложивъ всякую мысль о маскированномъ балѣ. Онъ отправился къ сенатору и старому другу своего дома, Донато Гримани.

При первомъ же словѣ молодого человека брови Донато Гримани сильно напустились, и онъ началъ нервно дергать свою сѣдую бороду. Не успѣлъ Убальдо кончить рассказъ, какъ Донато порывисто и запальчиво воскликнулъ:

— Очень большую ошибку сдѣлали вы, Убальдо, что вступились въ это глупое дѣло! Знайте, что списокъ новобранцевъ для экспедиціи противъ турокъ обсуждался Совѣтомъ Десяти. Просьба такого вельможи, какъ вы, вычеркнуть одно имя, уже внесенное въ списокъ, возбудить въ народѣ всевозможные толки и еще болѣе подчеркнетъ несправедливость новаго постановленія. И безъ того вы, Убальдо, съ нѣкоторыхъ поръ по какой-то странной фантазіи, которую многіе государственные дѣятели толкуютъ очень невыгодно для васъ, расточаете свое несмѣтное богатство на бѣдныхъ и нищихъ, не считая бросаете имъ золото и дукаты. Въ этомъ можно при желаніи увидѣть цѣль политическую, — привлечь къ себѣ любовь народа. Вамъ извѣстно, что немного надо для того, чтобы встревожить Совѣтъ Десяти. Пусть злоба и клевета подстрекнутъ ихъ подозрительность, и вашей безопасности сразу конецъ. Непонятное заступничество за Бембо Марини будетъ истолковано врагами въ очень дурную сторону. Повѣрьте мнѣ, дорогой Ціани, ради той независимости, которой вы дорожите, бросайте свое золото на что вздумаете, — на пиры, празднества, покупку брилльянтовъ, и т. д., — только не раздавайте его бѣднымъ. Дѣлайте какія угодно глупости, утопайте въ роскоши, но, Бога ради, не мѣшайте этому Бембо Марини сѣсть завтра утромъ на военный корабль.

Мудрый совѣтъ Гримани какъ нельзя болѣе подтверждалъ собственныя опасенія Убальдо, такъ что онъ не сталъ возражать своему другу. Но послѣ посѣщенія сенатора рѣшимость молодого вельможи оправдать довѣріе старой нищей нисколько не поколебалась. Раздумывая, какъ бы это сдѣлать, онъ пришелъ къ заключенію, что единственный выходъ — найти замѣстителя Бембо Марини въ

числѣ собственныхъ слугъ. Поэтому Убальдо вернулся къ себѣ во дворецъ, и хотя уже была поздняя ночь, но его оруженосецъ и слуги съ зажженными факелами еще ждали его подъ аркадой дворца у начала лѣстницы.

Совершенно противъ своего обыкновенія, Убальдо остановился подлѣ слугъ и такъ заговорилъ съ ними:

— Кто изъ васъ желалъ бы получить тысячу золотыхъ цехиновъ?

— Что надо сдѣлать для этого? — воскликнули всѣ слуги въ одинъ голосъ.

— Нѣчто очень нетрудное и очень почетное. Достаточно для этого, чтобы кто-нибудь изъ васъ пошелъ завтра утромъ въ гавань Санъ-Николо и объявилъ тамъ, что онъ является добровольнымъ замѣстителемъ Бембо Марини и проситъ записать его имя въ списки новобранцевъ-матросовъ, назначенныхъ Совѣтомъ Десяти для экспедиціи противъ турокъ.

Шутка вельможи показалась слугамъ очень остроумной, и всѣ обрадовались, что господинъ ихъ снова въ веселомъ настроеніи. Оруженосецъ и остальные слуги высказали по этому поводу свое удовольствие.

Но Убальдо воскликнулъ нетерпѣливо:

— Вижу, что я предложилъ черезчуръ маленькую сумму, и только въ этомъ отношеніи я пошутилъ. Замѣстителю Бембо Марини я заплачу не тысячу, а пять тысячъ золотыхъ цехиновъ.

Эта поправка была принята глубокимъ молчаніемъ. Всплывъ, Убальдо топнулъ ногой и, схвативъ за ухо дворецкаго, стоявшаго ближе всѣхъ, сказалъ:

— Напримѣръ ты, вотъ, Джіотти, смотри, какъ ты разжирѣлъ отъ бездѣлья, — почему бы тебѣ не пойти замѣстителемъ за бѣднаго рыбака? По возвращеніи твоёмъ съ войны, я бы заплатилъ тебѣ по-королевски за каждый потерянный тобой фунтъ жира.

Внѣ себя отъ изумленія, Джіотти отвѣтилъ съ наивной откровенностью:

— Но, благородный синьоръ, вѣдь эти же самыя пять тысячъ цехиновъ я могу очень пріятно и ничего не дѣлая пріобрѣсти здѣсь, на службѣ у вашей милости, не теряя при этомъ ничего изъ своего вѣса. А къ чему послужать мнѣ еще сто разъ пять цехиновъ, если турки ограбятъ меня, возьмутъ въ плѣнъ, или, еще

хуже, ранятъ, даже убьютъ? Наконецъ, я могу умереть отъ чумы, или другой какой-нибудь болѣзни на военномъ кораблѣ.

Всѣ остальные слуги Убальдо подержали въ одинъ голосъ дворецкаго, и неопровержимость ихъ доводовъ обезоружила даже Ціани. Онъ съ досадой отвернулся отъ слугъ и, быстро поднявшись по широкой мраморной лѣстницѣ, шумно захлопнулъ за собой дверь своей спальни. Всю ночь просидѣлъ онъ здѣсь въ креслѣ съ высокой мягкой спинкой, подперевъ голову рукой, и ни на минуту не сомкнулъ глазъ. На зарѣ, страшно опечаленный своимъ безсиліемъ помочь Бембо и не зная, какъ онъ будетъ въ состояніи вынести взглядъ старой нищей, Убальдо счелъ однако неблагороднымъ спокойно оставаться дома, когда Бембо Марини, которому онъ обѣщалъ помочь, долженъ будетъ сѣсть на корабль и отплыть въ экспедицію противъ турокъ. Самое меньшее, что онъ могъ сдѣлать, это — предупредить бѣдную жену Бембо о своей неудачѣ и затѣмъ попытаться утѣшить ее какъ-нибудь послѣ отъѣзда мужа.

Поэтому, накинувъ себѣ на плечи плащъ, Убальдо отправился въ гавань Санъ-Николо.

Здѣсь, у стола, покрытаго бумагами и окруженнаго ротой солдатъ, сидѣлъ чиновникъ морского вѣдомства и вызывалъ по списку новобранцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами подходили къ столу, а другихъ приводили силой. Затѣмъ вписанныхъ толкали къ длинному и узкому помосту, ведущему на палубу корабля, гдѣ того, кто не шелъ добровольно, полицейскіе безжалостно подталкивали своими алебардами. Убальдо еще никогда въ жизни не вставалъ въ такую рань и не видѣлъ такого зрѣлища, быть-можетъ, весьма интереснаго для знатныхъ и богатыхъ людей, хорошо знавшихъ, что имъ не грозитъ законъ о новобранцахъ, но очень печальнаго для бѣдняковъ, изъ которыхъ каждый могъ подвергнуться подобной же тяжелой участи.

Вокругъ мостковъ тѣснилась густая толпа народа. Убальдо быстро протискался черезъ нее и добрался наконецъ до стола чиновника. Здѣсь стояла и жена Бембо, такъ горько плакавшая накануне.

Когда она замѣтила молодого вельможу, у нея вырвался крикъ радости.

— Господишь чиновникъ, — крикнула она, — не вносите въ списокъ отправляемыхъ новобранцевъ Бембо Марини: вотъ богатый синьоръ Убальдо Ціани пришелъ сказать вамъ нѣсколько словъ о немъ.

Но лицо Убальдо выражало такую грусть и разочарованіе, что бѣдная женщина тотчасъ же отгадала дурную вѣсть.

— Прошу вписать мое имя вмѣсто Бембо Марини.

Она поблѣднѣла, какъ смерть, и молодой вельможа, не будучи въ состояніи вынести ея отчаянія, отвернулся отъ нея.

И вдругъ глаза его встрѣтились съ темносиними глазами старой нищей, стоявшей сзади Бембо. Этотъ взглядъ проникъ ему прямо въ сердце; онъ выражалъ такое безграничное довѣріе, что лицо Ціани вдругъ просвѣтлѣло, и дивное спокойствіе наполнило его душу. Онъ мгновенно понялъ, что онъ не можетъ, не въ силахъ обмануть то высокое довѣріе, которое старая женщина питаетъ къ нему, и мысль, которую онъ такъ долго и такъ тщетно искалъ, осѣнила его теперь сразу. Все оказывалось такъ просто, такъ хорошо.

Въ ту самую минуту, когда разсерженный чиновникъ во второй уже разъ вызывалъ Бембо Марини, Убальдо подошелъ къ столу, оперся о него обѣими руками и, наклонивъ красивое, улыбающееся лицо свое къ самому носу чиновника, отчеканилъ:

— Почтенный блюститель закона, если вамъ не слишкомъ трудно вычеркнуть имя Бембо Марини, будьте добры вписать вмѣсто него мое имя. Я — замѣститель Бембо на военномъ кораблѣ.

Чинovníкъ, открывъ ротъ и опустивъ

руки, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Это очень забавило Убальдо, и онъ громко разсмѣялся.

— Впишите мое имя вмѣсто Бембо Марини, милостивый государь, — повторилъ онъ, — и прошу васъ, написать какъ можно разборчивѣе. Вамъ развѣ неизвѣстно, что у меня масса странностей и фантазій? Сегодня мнѣ пришла фантазія идти сражаться противъ турокъ.

И предоставивъ толпѣ и солдатамъ удивляться сколько угодно, Убальдо съ легкимъ сердцемъ, однимъ прыжкомъ, вскочилъ съ набережной на мостки и еще быстрѣе съ мостковъ на палубу военного корабля.

IV.

Вопреки мрачнымъ ожиданіямъ и предположеніямъ благороднаго Донато Гримани, случилось такъ, что сумасбродный поступокъ Убальдо не возбудилъ никакихъ подозрѣній въ его политической неблагонадежности, но былъ принятъ лишь за самую причудливую и самую оригинальную изъ всѣхъ его выходокъ. Рѣшеніе его встрѣтило полное и безусловное одобреніе общественнаго мнѣнія, особенно мнѣнія дамъ, которыя находили поступокъ его очаровательнымъ и романтическимъ. Всѣ прославляли мужество и храбрость богатаго вельможи, которому надоѣли серенады въ гондолахъ, маскированные балы и т. д., и который рѣшился испытать новое волненіе, волненіе войны. Благосклонность и расположеніе, которыми Убальдо пользовался у венеціанскихъ дамъ, возросли до того, что многие молодые вельможи почувствовали къ нему зависть и въ свою очередь рѣшились послѣдовать его примѣру и выставить нѣсколько военныхъ кораблей противъ турокъ. Такимъ образомъ венеціанскій флотъ безъ всякихъ расходовъ для государственной казны такъ усилился, какъ и не ожидали враги. Отважно напали турки на первый венеціанскій корабль, на которомъ находился Убальдо, думая, что они легко справятся съ венеціанскимъ флотомъ. Но не успѣли они окружить его своими кораблями, какъ въ свою очередь были со всѣхъ сторонъ окружены венеціанскими военными галерами. Послѣдовалъ ожесточенный бой, въ которомъ турки понесли тяжелыя потери.

Непродолжительный, но рѣшительный походъ противъ турокъ доставилъ Убальдо истинное удовольствіе. Новый образъ жизни, простой и необычный для него, свѣжій и живительный морской воздухъ — все это укрѣпило его силы и возбудило въ немъ необыкновенную жизнерадостность.

Благодаря своему беззаботному и веселому нраву, онъ легко сошелся съ товарищами-матросами, и отношенія ихъ были самыя искреннія и простыя. Къ тому же, хотя Убальдо былъ замѣстителемъ простаго рыбака, начальство не слишкомъ обременяло его тяжелыми и трудными работами. Что касается сраженія съ турками, то Убальдо дрался какъ левъ, и такъ какъ даже въ пылу боя поступки столь важнаго вельможи не могли пройти незамѣченными, то онъ и покрылъ себя громкой славой тамъ, гдѣ Бембо Марини своей храбростью только подвергъ бы опасности жизнь.

Однако молодой вельможа былъ очень радъ, когда государственная галера, на которой онъ находился, отягощенная отнятой у враговъ добычей, повернула домой въ Венецію. Убальдо чувствовалъ, что послѣ тягостей похода тишина и спокойствіе его роскошнаго дворца доставятъ ему особенно пріятный и шарующій отдыхъ.

Черезъ недѣлю, послѣ одержанной побѣды, молодые венеціанскіе вельможи, и во главѣ ихъ Убальдо, торжественно высадились на набережной родного города. Но къ ихъ удивленію, встрѣтившая ихъ здѣсь толпа не была ни многочисленна, ни восторженна, какъ этого можно было ожидать. Убальдо долго искалъ глазами въ числѣ зрителей Бембо Марини съ женой и старой нищей, но онъ никого изъ нихъ не видѣлъ. Это разочарованіе впрочемъ не возбудило въ немъ ни малѣйшаго горькаго чувства. Онъ незамѣтно отдѣлился отъ своихъ товарищей и пошелъ домой, все болѣе и болѣе удивляясь необычайной тишинѣ и пустынности на набережной, а также мрачнымъ и грустнымъ лицамъ встрѣчавшихся изрѣдка прохожихъ.

Не успѣлъ онъ переступить порога своего дворца, какъ слуги его, блѣдные и испуганные, успѣли сообщить ему, что чума опустошаетъ ближайшіе къ Венеціи города: Верону, Триестъ, Виченцу и Падую. Совѣтъ Десяти еще надѣется

уберечь отъ чумы Венецію, благодаря ея выгодному положенію среди лагуны и непрерывно очищающимъ ея воздухъ морскимъ вѣтрамъ; уже изданы строгія санитарныя постановленія и дано распоряженіе, чтобы ни одинъ пріѣзжій съ суши не могъ проникнуть въ городъ.

Тревожное состояніе духа, охватившее Убальдо, не дало ему возможности подкрѣпить свои силы сномъ. Онъ было улегся въ постель, но тотчасъ всталъ и рѣшилъ идти къ Донато Гримани, чтобы скорѣе узнать отъ него, насколько вѣрны сообщенныя ему его слугами свѣдѣнія.

Только что Убальдо, выйдя изъ дворца, захопнулъ за собой тяжеловѣсную дверь, какъ двѣ женскія фигуры, — одна подъ густой вуалью, другая — молодая дѣвушка, — сидѣвшія передъ тѣмъ на мраморныхъ ступеняхъ дворца Ціани, разомъ поднялись.

— Вотъ синьоръ Убальдо Ціани, — произнесъ голосъ, при звукѣ котораго молодой вельможа невольно вздрогнулъ.

Молодая дѣвушка тотчасъ же бросилась къ ногамъ Убальдо. По блѣдному, исполненному отчаянія лицу ея текли ручьями горячія слезы. Она начала говорить прерывающимся отъ рыданій голосомъ и рассказала слѣдующее:

Отецъ ея, пріѣхавшій съ нею изъ Фучину только наканунѣ изданнаго Совѣтомъ Десяти постановленія, воспрещающаго вѣздъ въ Венецію съ суши, на другой же день послѣ пріѣзда сильно заболѣлъ. Его мучила тошнота и постоянный ознобъ; языкъ отнялся, ноги подкапывались, и онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ все его тѣло стало покрываться темнобагровыми пятнами. Самый тщательный уходъ за больнымъ оказался бесполезнымъ, и онъ только что скончался. Но такъ какъ по нѣкоторымъ признакамъ оказывается, что отецъ ея умеръ отъ чумы, то всѣ сосѣди наотрѣзъ отказываются въ чемъ-либо помочь бѣдной, совсѣмъ чужой въ городѣ дѣвушкѣ. Къ тому же слухъ объ этой смерти можетъ навести панику на всѣхъ жителей Венеціи. Быть можетъ, и дѣйствительно опасность угрожаетъ городу, а потому слѣдовало какъ можно скорѣе отыскать гондолу и, уложивъ въ нее трупъ бѣднаго старика, отвезти его на родину, въ Фучину, гдѣ сыновья покойнаго тотчасъ же похоронятъ его.

Убальдо почувствовал какое-то инстинктивное физическое отвращение перед возможностью заразиться и нетерпеливо спросил:

— При чем же тут я? За чем ты обращаешься ко мне? Первый встречный гондольер в Венеции мог бы гораздо скорее оказать тебе услугу. А если отец твой действительно умер от чумы, за чем же ты хочешь, чтобы я подвергся опасности, от которой все другие себя оберегают?

В эту минуту молчавшая до тех пор и укутанная вуалью женщина открыла свое лицо и громко и отчетливо сказала:

— Потому что во всей Венеции один только Убальдо Цяни проникнуть тем высокими милосердием, которое стоит выше всяких личных опасений.

И молодой вельможа, даже не глядя в глаза старой нищей, — так как это была она, — тотчас же почувствовал, как ему глубоко в душу проникла ее взгляд, исполненный безконечной нужды; а слова ее звучали таким беспредельным доверием, что всякий эгоистический страх за себя разом исчез от него, и он сказал молодой дѣвушкѣ:

— Садись скорее в одну из этих гондол, — он мой, — и указывай мне дорогу туда, где лежит труп твоего отца.

Тогда Убальдо выпрыгнул сам в гондолу вслед за двумя женщинами, взяв весла в руки, и почти неслышно поплыли они по каналу. То старая нищая, то молодая дѣвушка показывали ему, куда грести, и скоро они причалили къ пустынной набережной близъ одной изъ окраинъ Венеціи.

Подумавъ немного, Цяни вынулъ свою записную книжку и при свѣтѣ уличнаго фонаря написалъ нѣсколько строкъ Донато Гримани. Онъ сообщилъ ему, что намѣренъ сдѣлать, и какія у него къ тому побудительныя причины, и просилъ стараго друга тотчасъ же дать знать обо всемъ въ Совѣтъ Десяти, съ тѣмъ, чтобы тотъ прислалъ ему, Убальдо, въ г. Фучину свое распоряженіе насчетъ того, гдѣ ему слѣдуетъ быть въ томъ случаѣ, если, въ виду возможности занесенія имъ эпидеміи, возвращеніе его въ Вене-

цію окажется нежелательнымъ и опаснымъ.

Убальдо отдалъ письмо старой нищей, прося ее немедленно передать его старому сенатору въ собственныя руки. Послѣ того онъ пошелъ вслѣдъ за молодой дѣвушкой по темнымъ, пустымъ, сырымъ переулкамъ.

Войдя въ комнату, гдѣ лежало тѣло старика, Убальдо, побуждаемый великодушнымъ порывомъ и нимало не думая о себѣ, поднялъ уже начавшій разлагаться трупъ на руки и донесъ его до гондолы. Здѣсь онъ положилъ его на тростниковый коверъ и покрылъ собственнымъ плащомъ. Молодая дѣвушка сѣла на скамейку напротивъ молодого вельможи, и онъ, сильно работая веслами, скоро вывелъ гондолу въ открытое море.

Высокія церковныя колокольни Венеціи мало-по-малу исчезли у нихъ изъ глазъ. Наконецъ, городъ сталъ имъ казаться какимъ-то смутнымъ пятномъ, точно дальнимъ облачкомъ на горизонтѣ.

Цяни пристально всмотрѣлся въ лицо мертвеца, лежавшаго передъ нимъ, и только тогда пришло ему въ голову, что, быть-можетъ, онъ долженъ будетъ выдерживать карантинъ, который Совѣтъ Десяти установитъ надъ нимъ; возможно даже, что ему грозитъ изгнаніе навсегда изъ Венеціи. Но и то, и другое еще не особенно важно: всего вѣроятнѣе, что ему суждено умереть. Кто знаетъ, быть-можетъ, зараза уже проникла въ него и, незримая, неосознаваемая, начинаетъ подтачивать его молодое, крѣпкое тѣло. Но шлое, великодушное сердце Убальдо не дрогнуло передъ грозившей ему опасностью. Онъ спокойно и покорно смотрѣлъ въ глаза будущему.

Всю ночь Убальдо работалъ весломъ съ почти невѣроятной выдержкой и силой. Наконецъ, на разсвѣтѣ сталъ обрисовываться берегъ, и молодая дѣвушка указала Убальдо, гдѣ именно слѣдуетъ причалить. Когда гондола была привязана къ берегу, дочь умершаго старика вышла изъ нея и скоро исчезла за деревьями. Немного спустя она вернулась въ сопровожденіи родственниковъ, которые, поднявъ трупъ, унесли его на принесенныхъ съ собою носилкахъ. Уходя, дѣвушка поспѣшно взяла руку Цяни и горячо поцѣловала ее въ знакъ

благодарности. Затѣмъ мрачное шествіе удалось и мало-по-малу исчезло изъ глазъ Убальдо.

Оставшись одинъ, онъ сѣлъ на камень и вскорѣ замѣтилъ въ морѣ гондолу, приближавшуюся къ берегу. Но она, однако, не причалила, а одинъ изъ агентоѵ Совѣта Десяти, услышавъ голосъ Убальдо, выбросилъ еѵ на берегъ запечатан-

объявлено о снятіи съ него карантина. Тогда онъ можетъ вернуться въ Венецію на корабль, который будетъ специально высланъ за нимъ, если, конечно, до того времени останется живъ и здоровъ.

V.

Потому ли, что дѣйствительно ста-

Трупъ положили на дно гондолы.

ный конвертъ, и тотчасъ же послѣ того гондола повернула обратно.

Сломавъ печать, Убальдо нашелъ въ пакетѣ записку, въ которой Гримани выражалъ ему отеческій упрекъ за новую неожиданную его выходку, и кромѣ того официальную бумагу съ гербомъ Совѣта Десяти, заключавшую приказъ удалиться на островъ Санъ-Клеменцо и оставаться тамъ, пока ему не будетъ

ричь умеръ не отъ чумы, и дочь его напрасно перепугалась, или потому, что, благодаря молодости и силѣ своей, Убальдо успѣшно противостоялъ страшной заразѣ, но молодой вельможа остался невредимъ. Даже болѣе того: хотя карантинъ его и казался ему несравненно долѣе и тяжелѣе всѣхъ невзгодъ похода противъ турокъ, но собственное здоровье его никогда не было въ такомъ

цвѣтушемъ состояніи. Однако онъ такъ сильно скучалъ, что обрадовался какъ ребенокъ, когда на 42-ой день своего карантина получилъ позволеніе вернуться въ Венецію. Черезъ день за нимъ долженъ былъ пріѣхать особо назначенный для этого корабль.

Какъ только разсвѣло, Убальдо уже былъ въ гавани и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ходилъ взадъ и впередъ по берегу, всматриваясь, не видать ли въ морѣ обѣщанной государственной галеры. Наконецъ, она дѣйствительно показалась вдали. Когда Убальдо могъ яснѣе разглядѣть ее, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что на кораблѣ развѣвается государственное знамя съ адриатическимъ львомъ, а на кормѣ возвышается палатка изъ пурпурнаго бархата, съ гербомъ Венеціи, вышитымъ золотомъ. Кромѣ того, съ корабля раздавались звуки веселой музыки; его окружало несмѣтное число гондолъ, украшенныхъ огнями и развѣвающимися разноцвѣтными флагами. Приблизившійся корабль оказался Буцентавромъ — галерой дожа. Самыя разнообразныя и невозможныя мысли промелькнули въ умѣ Убальдо. Но ни на минуту не вообразилъ онъ, что этотъ парадный корабль явился за нимъ, чтобы отвезти его въ Венецію.

Однако ему очень скоро пришлось убѣдиться въ этомъ, когда при входѣ на палубу онъ былъ окруженъ восторженной толпой, которая почти на рукахъ понесла его къ кормѣ. Тамъ, подъ бархатнымъ балдахинотъ, Убальдо увидѣлъ самого дожа, его супругу, бѣлокурую догарессу, а позади нихъ старога друга своего Донато Тримани и многихъ другихъ знакомыхъ ему вельможъ и венеціанскихъ дамъ.

Убальдо долженъ былъ сѣсть на табуретъ, который, въ знакъ особаго къ нему благоволенія, дожъ велѣлъ поставить подлѣ своего золоченаго, съ рѣзной спинкой кресла, и долженъ былъ подробно отвѣчать на массу вопросовъ, которыми его осыпали. Наконецъ, въ заключеніе разговора, дожъ намѣренно громко произнесъ слѣдующія слова:

— Убальдо Ціани, я пожелалъ пріѣхать за тобой лично на парадной государственной галерѣ Буцентаврѣ, въ сопровожденіи моей благородной супруги и высокородовитыхъ и извѣстныхъ всей

Венеціи вельможъ, для того, чтобы всенародно и торжественно выразить тебѣ дань уваженія и благодарности Венеціи. Прежде всего ты сумѣлъ въ минуту опасности оказать услугу отечеству, добровольно отправившись въ походъ противъ турокъ. Благородный твой примѣръ подстрекнулъ и остальныхъ нашихъ молодыхъ вельможъ покинуть удовольствія и роскошь дворцовъ своихъ, чтобы подобно тебѣ отправиться въ экспедицію противъ враговъ родины. Ты первый, Ціани, и они вслѣдъ за тобой, — вы всѣ въ эти незабвенные для насъ дни покрыли себя такой славой, которая никогда не померкнетъ. Прекрасна слава, завоеванная тобою, о гордый юноша, на глазахъ у всѣхъ, но еще чище, еще выше твой геройскій поступокъ въ ту ночь, когда ты одинъ, не разсчитывая ни на чьи похвалы и рискуя собственной жизнью, взялъ на руки разлагающійся, покрытый чумными пятнами трупъ, положилъ его въ гондолу и отплылъ изъ Венеціи, чтобы спасти родной городъ отъ возможности ужасной заразы.

Когда прозвучали послѣднія слова, произнесенныя дожемъ, ихъ покрылъ единогласный одобрителный ропотъ. Но пока дожъ говорилъ свою торжественную рѣчь, пронизывающіе взгляды многихъ сенаторовъ и членовъ Совѣта Десяти устремились на Убальдо, чтобы, слѣдя за вліяніемъ этой восторженной похвалы, уловить въ лицѣ его выраженіе удовлетворенной гордости, или трепетъ скрытаго честолюбія. Но симпатичное, открытое лицо молодого вельможи хранило все время обычное ему безпечное выраженіе, которое было способно разсѣять всякія подозрѣнія.

Послѣ того, какъ его отпустилъ дожъ, дамы окружили Убальдо и стали допрашивать его, настаивая на томъ, что онъ совершилъ свои подвиги не иначе, какъ подъ вліяніемъ какой-нибудь женщины.

— Потому что, — объявила бѣлокурая догаресса, — я вовсе не хочу сказать вамъ чего-нибудь непріятнаго, Убальдо, — потому что вся прежняя ваша жизнь, богатая непредвидѣнными и неожиданными странностями и капризами, нисколько не подавала повода предполагать, чтобы вы способны были достигнуть такой необычайной душевной высоты, какую вы теперь выказали. Безъ женскаго вліянія, — мы по край-

ней мѣрѣ такъ думаемъ, — здѣсь не могло обойтись.

На вопросы дамъ Убальдо отвѣтилъ загадочной улыбкой и сказалъ:

— Проницательность ваша не обманула васъ, о благородная догаресса! Дѣйствительно, женщина повліяла на меня. Теперь мы уже скоро вѣдемъ въ Венецію, и, когда выйдемъ на набережную, тамъ, я надѣюсь, окажется и та, которая такъ много сдѣлала для меня. Тогда вы узнаете ее, такъ какъ я, въ качествѣ вѣжливаго рыцаря, подойду къ ней и, снявъ шляпу, поцѣлю ей всенародно руку, въ знакъ моего глубочайшаго къ ней уваженія.

Эти слова Убальдо еще болѣе подстрекнули любопытство благородныхъ венеціанскихъ дамъ. Догаресса позволила молодому вельможѣ подать ей руку, чтобы свести ее съ галеры. Однако торжественное шествіе прошло черезъ всю Піацетту и приближалось къ дворцу Убальдо, но онъ все еще не указалъ своей вдохновительницы. Дамы уже начали негодовать, думая, что онъ посмѣялся надъ ними. Но Убальдо, смотрѣвшій во все глаза, вдругъ замѣтилъ ту, которую искалъ, въ толпѣ нищихъ, отстраняемыхъ полиціей съ дороги. Тамъ была она, старая нищая, съ темносиними глазами, въ которыхъ свѣтилась вѣчная молодость.

Ціани оттолкнулъ полицейскаго и

сдѣлалъ шагъ впередъ. Бѣлокурая догаресса чуть ли не упала въ обморокъ, увидѣвъ, что знатный синьоръ Убальдо Ціани передъ лицомъ всей Венеціи, при всемъ народѣ, снялъ свою шляпу и преклонилъ колѣно передъ старой, сѣдовласой нищей, которая въ страшномъ смущеніи испуганно отступала назадъ.

Но Убальдо нѣжно взялъ ее за руку и съ выраженіемъ безграничнаго уваженія запечатлѣлъ поцѣлуй на этой рукѣ. Затѣмъ онъ произнесъ своимъ чарующимъ, ласковымъ голосомъ:

— Пускай себѣ смѣются надъ нами тѣ, которые не понимаютъ. Но я благоговяю тебя, о дорогая мнѣ женщина, за то, что ты сумѣла душой своей проникнуть въ глубину моей души, сумѣла словомъ любви, состраданія и свѣтлой вѣры вывести меня изъ моей душевной тьмы и воскресить меня изъ могилы моего себьялюбія.

Все это показалось бѣлокурой догарессѣ, прекраснымъ венеціанскимъ дамамъ, всей свитѣ и толпѣ до того смѣшнымъ и безумнымъ, что кругомъ раздавался неудержимый и громкій хохотъ.

Даже и потомъ этотъ эпизодъ изъ жизни Убальдо Ціани продолжалъ считаться самой неожиданной и смѣлой выходкой страннаго вельможи, рѣшившаго смѣшнымъ чудачествомъ отвлечь отъ своей особы всеобщее восхищеніе.

Убальдо поцѣловалъ ея руку.

ра поступаетъ крайне эгоистично, рассчитывая отыграться на его шкурѣ, однако промолчалъ.

— Куда снести письмо? — покорно спросилъ онъ, перебирая босыми ногами и чувствуя, что безнадежно попалъ подъ власть суровой старой тетки, которой какимъ-то чудомъ были извѣстны его сокровенныя дѣла.

— Мышиную гору знаешь?

Викъ снова вздрогнулъ. Нѣтъ, онъ не бывалъ еще на Мышиной горѣ, хотя и собирался туда съ друзьями. Онъ рѣшилъ, что теткѣ Кларѣ лучше сказать это откровенно.

— Ну, такъ узнай туда дорогу, — нетерпѣливо заявила она, — и ступай. Помни только, что тебя не должны видѣть. Тамъ, гдѣ дорога поворачиваетъ къ вѣдьмину дому, ты встрѣтишь человека... Онъ знакомъ тебѣ, и самъ спросить про письмо. Понялъ?

Викъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, такъ ступай!

Мальчикъ, какъ ошпаренный, вышелъ изъ комнаты.

Онъ чувствовалъ себя крайне смущеннымъ и не могъ смотрѣть въ глаза теткѣ Мартѣ, поившей его кофе и кормившей любимыми булочками съ миндалемъ. Добродушная старушка, не отличавшаяся проницательностью, и то замѣтила его состояніе.

— Викъ, — сказала она, — ты сегодня какой-то странный, что съ тобой?

Мальчикъ поперхнулся кофе, но, оправившись, замѣтилъ довольно невинно:

О, ничего, тетя... Я только тороплюсь въ школу: боюсь опоздать...

IV.

Выйдя изъ дому, Викъ свернулъ въ переулокъ и мимо глухого забора дома Валто прошмыгнулъ на Церковную улицу. Громадный фруктовый садъ пастора, огороженный высокимъ заборомъ, тянулся по одной сторонѣ улицы. По другую стояло всего два домика огородниковъ. Викъ думалъ такимъ путемъ ускользнуть на Аренсову дорогу и выбраться въ поле. Тутъ приходилось сдѣлать большой крюкъ проселками и тропинками по полямъ Густовой фермы, чтобы пересѣчь Большую дорогу и попасть на Эрбосскую. Отъ друзей Викъ зналъ, что эта именно дорога и ведетъ къ Мышиной горѣ. Остальныя свѣдѣнія Викъ рассчитывалъ добыть по пути.

Благополучно миновавъ всѣ опасныя мѣста, не встрѣтивъ никого изъ сотоварищей и, въ особенности, дѣвченокъ-школьницъ, Викъ почувствовалъ себя въ полной безопасности среди сжатыхъ полей Густовой фермы.

День былъ ясный, солнечный. На небѣ легкія бѣлыя облака плыли, какъ паруса судовъ по голубому морю. Окинувъ взглядомъ широкій просторъ полей и огородовъ, пересѣченныхъ кустарникомъ и, точно островами, — кучами зеленыхъ деревьевъ, Викъ пришелъ въ восторгъ. Роль таинственнаго посла начинала ему нравиться. Тайна тетки Клары приобрѣтала въ его глазахъ огромную важность. Онъ вообразилъ себя заговорщикомъ, несущимъ въ полночный грозный часъ тайное порученіе товарищамъ. Вѣдьминъ домъ, конечно, превратился въ руины древняго замка, гдѣ отчаянные заговорщики, не страшась привидѣній, поджидаютъ его.

Толстый пруть лозняка сталъ конемъ. Бо-

сыя ноги Вика замелькали по тропинкѣ. Онъ похлестывалъ себя по кожанымъ штанамъ, воображая, что загоняетъ добраго коня на-смерть, торопясь попасть къ сроку.

Большую дорогу онъ перебѣжалъ вихремъ и свернулъ въ перелѣсокъ: стало жарко. У ручья мальчикъ кинулся въ тѣнь кустовъ, задыхаясь отъ усталости.

Но едва Викъ успѣлъ протянуть ноги и принять удобную позу, какъ изъ-за кустовъ раздался хохотъ:

— Гэй, Викъ! Ха.. ха.. ха... и ты здѣсь?

Тилли Карстенъ собственной персоной вылезъ изъ-за кустовъ. Лицо плута собиралось лопнуть отъ натуги: онъ хохоталъ до слезъ.

— Я думалъ, что я одинъ провелъ учителя и всѣхъ ихъ тамъ (небрежный кивокъ въ сторону города), а и ты тоже. Я очень радъ, знаешь.

Викъ смутился. Онъ совсѣмъ не испытывалъ радости отъ встрѣчи съ другомъ. Правда, Тилли можетъ проводить его до самаго вѣдьмина дома, но тогда онъ невольнo проникнетъ въ тайну письма. Это не годилось. Викъ безъ особаго восторга привѣтствовалъ товарища.

— Ты чего кислый? — спросилъ Тилли, спускаясь на траву рядомъ. — Попало, что-ли?

Викъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, Тилли, не то.

Онъ сумрачно смотрѣлъ на ручей, раздумывая какъ выйти изъ щекотливаго положенія, и не разставаться въ то же время съ другомъ.

— Ну, а что же еще? — недоумѣвалъ Карстенъ.

Викъ рѣшилъ дѣйствовать напрямикъ.

— Вотъ что, Тилли, — сказалъ онъ, погрызывая тонкую вѣточку, подвернувшуюся подъ руку,

— есть одна тайна, знаешь, въ которую я не могу посвятить тебя... Понимаешь?

Тилли кивнулъ головой.

— Тайна, такъ тайна, — серьезно согласился онъ. — Чужая тайна?

— Да.

— Ты обѣщаль хранить ее?

— Да.

— Ну, такъ ты и долженъ хранить: я не собираюсь проникать въ нее. Это тайна, что ты здѣсь?

— Да, Тилли, тайна. Я тебѣ еще могу сказать, что мнѣ нужно идти къ Мышиной горѣ. Тамъ я долженъ встрѣтить одного человѣка. Ты, Тилли, можешь идти со мной, только никому не говори объ этомъ, и еще: ты не долженъ видѣть, что я буду дѣлать съ тѣмъ человѣкомъ. Согласенъ?

Тилли не колебался ни минуты.

— Конечно, согласенъ, Викъ. Разъ это чужая тайна, то я готовъ поклясться молчать обо всемъ и поступать такъ, какъ ты хочешь. Каждый изъ насъ знаетъ, что такое тайна!

У Вика точно тяжесть упала съ души. На Тилли Карстена можно было положиться, и Викъ повеселѣлъ.

— Тогда, знаешь, идемъ. Ты мнѣ покажешь дорогу, — сказалъ онъ, выплевывая прутикъ, который жевалъ.

Мальчики поднялись съ земли и, посвистывая, двинулись въ путь.

V.

«Мышиная гора» была самымъ дикимъ уголкомъ на островѣ Эрбосѣ. Изрѣзанная холмами и оврагами, поросшая густымъ лѣсомъ, гдѣ не рѣд-

Изъ-за кустовъ раздался хохотъ.

костью были столѣтніе дубы и буки, она являлась какъ бы мрачной тущобой на свѣтломъ фонѣ маленькаго чистенькаго островка. Дороги тутъ то поднимались въ гору, то пересѣкались глубокими оврагами, въ которыхъ подь буйной дикой растительностью глухо рокотали ручейки.

Лѣсъ начинался сразу отъ Эрбосской дороги, окаймляя ее съ одной стороны; съ другой тянулись холмистыя голыя поля. Мальчикамъ попадались иногда повозки фермеровъ, тянувшіяся съ кладью. Тилли зналъ каждаго возчика и довольно фамиллярно здоровался съ ними, называя ихъ просто по именамъ, если это были работники, и по фамиліямъ, какъ короткаго знакомаго, если навстрѣчу попадался фермеръ:

— Доброе утро, Іоганнъ!

Или:

— Добраго утра, Аксель!

Тилли Карстенъ пользовался популярностью на островѣ: на обелискѣ стояла вѣдь его фамилія, единственная, сохранившая потомковъ изъ числа увѣковѣченныхъ на гранитѣ, и мальчикъ купался въ лучахъ славы своего дѣда.

У развѣтвленія лѣсъ обступилъ дорогу со всѣхъ сторонъ. Характеръ мѣстности сталъ болѣе мрачнымъ, и дорога пошла въ гору, описывая причудливые зигзаги. Викъ впервые попалъ въ это мѣсто и потому съ любопытствомъ приглядывался къ ней. Чуткое воображеніе не замедлило награждать овраги и горы подходящей репутаціей и населить ихъ призраками и тѣнями мрачныхъ бандитовъ и убійць. Проходя по мостамъ, перекинутымъ черезъ узкія глубокія щели, гдѣ внизу чернѣла вода ручьевъ, Викъ перегибался черезъ перила, заглядывая внизъ и испытывая легкое пріятное головокруженіе. Тилли слѣдовалъ его при-

мѣру и показалъ штуку, приведшую въ восторгъ Вика. Онъ не только перегнулся, но и перекувыркнулся черезъ узкія перила, такъ что на мгновѣніе казалось, будто онъ, сорвавшись, летитъ въ пропасть. Вика не замедлилъ продѣлать то же. Ему почудилось при этомъ, будто оврагъ завертѣлся и обрушивается на него, и, крѣпко вцѣпившись руками въ перила, онъ нѣсколько секундъ не могъ придти въ себя отъ чудовищнаго головокруженія. Однако развлеченіе ему очень понравилось, и пріятели на каждомъ мосту продѣлывали упражненія нѣсколько разъ, рискуя сорваться и переломать кости объ острые уступы внизу.

Чтобы разнообразить путь, мальчики принимались играть въ различныя игры. Они воображали себя бандитами, пробирающимися къ притону, и дѣлали засады, нападая на воображаемыхъ враговъ и маркизовъ. Это, если и не сокращало путешествія, то прекрасно оживляло и развлекало.

Пять верстъ пути заняли у ребятъ добрыхъ два часа времени. Наконецъ они подошли къ новому развѣтвленію дороги. Узкая и, видимо, заброшенная дорога вела куда-то въ мрачную гущу лѣса, гдѣ, несмотря на ясный солнечный день, было сумрачно, точно вечеромъ.

— Это вѣдьмина дорога, — сообщить Тилли. — а вотъ тамъ — камень, гдѣ убили вѣдьму.

У самаго развѣтвленія дороги Вика увидѣлъ громадный камень, точно положенный сюда нарочно. Гладкій гранитный валунъ, поросшій мохомъ, выглядѣлъ сумрачнымъ памятникомъ надъ могилой великана. Вика, движимый любопытствомъ, съ замираніемъ сердца подошелъ къ камню, гдѣ Тилли не замедлилъ указать ему на двѣ выбоины, покрытыя точно ржавчиной, и сказалъ значительно:

— Обь это мѣсто ее били головой.

Викъ содрогнулся. Близость такого мрачнаго мѣста обдала его холодкомъ страха. Тишина лѣса показалась ему зловѣщей и грозной.

— А тутъ страшно вато, — сказалъ онъ почти шопотомъ.

— Еще бы! — убѣжденно отвѣтилъ Тилли. — Э, смотри, Викъ, вотъ идетъ Бенъ Гуннъ!

Изъ-за деревьевъ показалась приземистая фигура моряка въ разстегнутой курткѣ и съ развѣвающимися концами краснаго платка, повязаннаго въ видѣ галстука. Викъ при видѣ его вспомнилъ о порученіи.

— Тилли, — шепнулъ онъ, — теперь начинается тайна. Какъ честный человекъ, ты долженъ уйти за камень и сидѣть тамъ, пока я не скажу.

Тилли кивнулъ головой въ знакъ согласія и ушелъ за камень. Онъ добросовѣстно отнесся къ своей роли, и, усѣвшись на выступъ валуна, зажмурился и заткнулъ уши пальцами: тайна, по его понятіямъ, нуждалась въ соблюденіи этихъ предосторожностей.

Викъ пошелъ навстрѣчу моряку, улыбавшемуся ему издали.

— Здорово, дружище, Викъ, — говорилъ Бенъ Гуннъ, — какъ поживаешь и что новенькаго, а?

Несмотря на привѣтливость моряка, мальчикъ почувствовалъ къ нему глухую неприязнь. Широкая улыбка на простоватомъ лицѣ показалась ему не настоящей.

— Э, паренекъ, — пожимая руку Вика, заговорилъ Бенъ, — ты, вѣроятно, и есть посланный отъ извѣстной намъ особы, не такъ ли? Это мнѣ вдвое пріятнѣе... Только напрасно вдова безпоко-

илась: могла бы сразу дать отвѣтъ безъ лишнихъ проволочекъ.

— Какая вдова? — удивленно спросилъ Викъ.

— Вдова? — не смутился морякъ. — Кто говорилъ про вдову? Никто, дружище Викъ, я хочу сказать тетка твоя, Клара Эльсто. Ну, показывай, голубчикъ, письмо.

Викъ вручилъ пакетъ Бену Гунну. Морякъ пощупалъ плотный конвертъ, и лицо его отразило удовольствіе.

— Кажется, все въ порядкѣ, Викъ, — сказалъ онъ, вскрывая письмо. — Ну, да... На нее можно положиться, мальчикъ... Деньги и все такое — все точно и ясно...

Викъ не могъ скрыть изумленія при видѣ того, какъ морякъ спокойно извлекъ изъ конверта пачку бумажекъ и сунулъ ихъ въ карманъ не считая.

— Можно не считать, Викъ, — кивая головой, замѣтилъ онъ, — наша особа — человѣкъ очень аккуратный... А письмо такъ прочтемъ.

Говоря это, морякъ извлекъ изъ конверта исписанный листокъ и погрузился въ чтеніе.

— Напрасно она тратитъ время писать такія письма, — разрывая листокъ на мелкіе клочки, замѣтилъ Бенъ, ознакомившись съ содержаніемъ письма. — Это ни къ чему. Такъ и скажи ей, Викъ, что ни къ чему. Понимаешь...

Тутъ морякъ остановился и какъ бы задумался.

— Вижу, Викъ, тебѣ любопытно узнать, зачѣмъ твоя тетка посылаетъ деньги мнѣ. Не такъ ли? Тебѣ, какъ другу, я могу сказать это: на тебя можно положиться — я знаю... Это, видишь ли, плата за кое-какой товаръ, понимаешь?

Онъ подмигнулъ и фамильярно хлопнулъ Вика рукой по плечу.

— Женщины нуждаются въ такихъ вещахъ, которыя не всегда оплачиваются пошпиной, Викъ, — многозначительно добавилъ морякъ.

Викъ кивнулъ головой, однако не повѣрилъ ни одному слову. Ему ясно было, что тетка Клара никогда не покупала никакой контрабанды, и то стараніе, съ какимъ Бенъ Гуннъ хотѣлъ ему навязать эту мысль, показалось только подозрительнымъ.

Но дѣло было покончено, и слѣдовало торопиться, чтобы попасть домой, не возбуждая подозрѣній. Викъ простился съ морякомъ и пошелъ къ Тилли Карстену, все еще сидѣвшему за камнемъ.

VI.

Сестры сидѣли въ столовой, когда Викъ вернулся домой. Клара устремила на мальчика холодный, равнодушный взглядъ, точно между ней и племянникомъ не существовало рѣшительно никакой тайны. Даже Викъ былъ смущенъ такимъ поведеніемъ тетки. Марта же встрѣтила любимца улыбкой.

— Ты немного опоздалъ, Викъ, — замѣтила она, — должно быть, заигрался съ товарищами. Супъ, пожалуй, успѣлъ простыть... Надѣюсь, господинъ Аннусъ вполне здоровъ, и вы не очень мучили его сегодня.

Этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ кроткимъ взглядомъ добрыхъ глазъ тетки, привелъ Вика въ замѣшательство. Онъ промямлилъ что-то, не рѣшаясь поднять глазъ съ тарелки, и накинулся на супъ съ аппетитомъ голоднаго волка. Старушка была

Морякъ погрузился въ чтеніе.

далека отъ какихъ бы то ни было подозрѣній. Она вполне удовлетворилась отвѣтомъ Вика и оставила его въ покоѣ.

Но сердце Вика не было спокойно. За нимъ въ школѣ числились грѣшки помимо сегодняшняго прогула, и онъ боялся какъ бы кто-нибудь изъ товарищей не сболтнулъ чего теткѣ Мартѣ. Занятый этими мыслями и бараньей котлеткой, Викъ не замѣтилъ, какъ къ окну подошла мадамъ Валто. Только услышавъ ея голосъ, Викъ обратилъ на нее вниманіе.

Сосѣдка устремила взглядъ на него, и Викъ понялъ, что Микко разболталъ матери относительно его отсутствія въ школѣ. Проклявъ въ душѣ болтливость друга, Викъ бросилъ котлетку и выскользнулъ изъ комнаты, пользуясь тѣмъ, что тетка Марта занялась разговоромъ.

Клара вышла слѣдомъ за нимъ.

— Передалъ? — коротко спросила она.

Викъ торопливо улизнулъ изъ дому и отвѣтилъ односложно:

— Да.

Взглядъ тетки придержалъ его.

— Что онъ сказалъ?

— Ничего. Сказалъ только, что напрасно было писать ему.

Брови Клары нахмурились. Она поджала губу.

— Ну, хорошо, Викъ. Спасибо. Только не говори никому.

Викъ поспѣшилъ завѣрить ее, что тайна останется тайной, и убѣждалъ какъ разъ во-время: когда за нимъ закрывалась дверь чернаго хода, тетка Марта позвала его, но, конечно, тщетно: Викъ промчался черезъ дворъ и былъ въ безопасности.

Утромъ мальчикъ былъ слишкомъ занятъ,

чтобы интересоваться городскими новостями, и теперь пошелъ къ лоцманской вышкѣ, гдѣ всегда можно было встрѣтить товарищей. Тутъ онъ не только нашелъ чуть ли не половину школы, а и добрую треть всего наличнаго числа лоцмановъ.

Одинъ изъ мальчиковъ сейчасъ же посвятилъ Вика въ курсъ событія, собравшаго толпу. Оказалось, ночью кто-то укралъ лодку, задержанную таможенниками. Цѣпь была оборвана, печати сломаны, и все вмѣстѣ представляло собою достаточно серьезное преступленіе, чтобы всполошить обитателей Эрбоса. Вика сразу же проникся общимъ настроеніемъ.

Кто-то изъ лоцмановъ выразилъ увѣренность, что лодку увелъ Бенъ Гуннъ. Онъ не зналъ имени моряка и просто назвалъ его «пьянымъ бродягой», шатавшимся вчера по городу.

— Чего добраго, и бездѣльникъ Кедрикъ замѣшанъ въ это дѣло, — замѣтилъ другой.

Лоцманъ Кедрикъ не пользовался симпатіями въ Эресбургѣ. Это былъ мѣстный парія, спившійся съ круга человекъ, котораго лоцманы исключили изъ своего кружка и только изъ жалости къ его матери, выплачивали ему половинное жалованіе. Кедрикъ былъ однако прирожденный лоцманъ и прекрасный притомъ лоцманъ, и совершенно отдѣлаться отъ него эрбосскіе лоцманы не могли. Кедрикъ зналъ это и издѣвался надъ своими врагами. Онъ помогалъ подозрительнымъ судамъ пробираться по ночамъ безъ огней мимо острова Дога подъ самымъ носомъ таможенныхъ постовъ, якшался со всякимъ сбродомъ, пьянствуя по всей Прибалтикѣ, и вообще велъ жизнь крайне предосудительную, хотя и развеселую. Кедрикъ былъ бѣльмою на глазу лоцманской репутаціи, и потому

общественное мнѣніе готово было приписать ему кражу лодки.

— Безъ Кедрика, конечно, не обошлось, — отозвался другой голосъ. — Скажите, видалъ сегодня кто-нибудь Кедрика?

— Нѣтъ. Старуха его увѣряетъ, что онъ ушелъ изъ дому вчера вечеромъ и больше не являлся.

— Вотъ, то-то и оно! Ну, кажется теперь нашъ Кедрикъ доиграется.

— Не пойманъ — не воръ.

— Тутъ попадетъ.

Викъ, прислушиваясь къ этимъ разговорамъ, раздѣлялъ общее мнѣніе. Больше того, онъ былъ увѣренъ, что лодку увелъ Бенъ Гуннъ. Съ точки зрѣнія мальчика, это было вполне естественно: лодка вѣдь принадлежала Бену, и онъ осуждалъ моряка лишь за сломанные казенные печати. По его мнѣнію, ничего не стоило аккуратно отрѣзать пластинки съ ними и бережно сложить на берегу. Казенное имущество было бы цѣло, и никому бы отъ этого не предвидѣлось хлопотъ.

Мало-по-малу къ дому лоцмановъ стало стекаться населеніе городка. Викъ замѣтилъ въ толпѣ сухопарую фигуру Аннуса и рѣшилъ ретироваться: въ его расчеты не входила встрѣча съ учителемъ.

VII.

Викъ отправился искать друзей и нашелъ ихъ возлѣ «Капитана Кидда». Тилли и Микко собирались сняться съ якоря, чтобы прокатиться немного. Викъ поспѣлъ какъ разъ во-время, чтобы присоединиться къ компаніи.

Вѣтеръ былъ довольно свѣжій и нагонялъ мелкіе барашки, которые разбивались объ носъ

«Капитана Кидда», больше чѣмъ когда-либо зарывавшагося въ волны.

Восточное теченіе при попутномъ вѣтрѣ погнало суденышко по направленію къ острову Дога. Первые полчаса друзья были въ восторгѣ отъ быстроты хода, и Тилли такъ и сіялъ гордостью за свое судно. Но вскорѣ лицо юнаго капитана выразило досаду. Плоская громада скалы Гагарь очутилась за бакбортомъ, и Тилли скомандовалъ къ повороту. Но теченіе здѣсь усиливалось, и идти противъ него не представлялось возможнымъ. Три раза мальчики дѣлали попытку лавировать, и три раза «Капитанъ Киддъ» сползалъ кормой внизъ, стремясь къ острову Дога.

— Поздно спохватились, — замѣтилъ Микко съ явнымъ неудовольствіемъ: — пропустили скалу Гагарь.

— Да . . . теперь ничего не подѣлаешь . . . Нужно идти вокругъ острова.

Другого выхода не было. Съ юга островокъ огибало западное теченіе, которое достигало Эресбурга. Но такая прогулка могла затянуться до ночи, и это не входило въ расчетъ юныхъ моряковъ. У Тилли и Вика и такъ были проступки сегодня, а Микко вспомнилъ вдругъ, что отецъ долженъ былъ дать ему какое-то порученіе. Мальчикъ приунылъ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на удаляющуюся скалу Гагарь, какъ бы на виновницу своихъ злоключеній.

— Попробуемъ еще разъ, — сказалъ онъ, — можетъ быть, намъ удастся пройти сѣвернѣе.

Тилли покачалъ головой.

— Тамъ теченіе еще сильнѣе, — замѣтилъ онъ. — Нѣтъ, нужно идти вокругъ острова.

Вѣтеръ усилился. Пришлось зарифить гротъ, а потомъ и опустить его: «Капитану Кидду» была

не подъ силу въ такую погоду полная парусность. Но и на носовыхъ парусахъ онъ мчался съ поразительной быстротой, обгоняя пѣнные волны, разбивавшіяся вокругъ его бортовъ.

Мальчики вскорѣ утѣшились, Они были не изъ того сорта людей, что долго унываютъ, и скоро нашли удовольствіе въ невольной прогулкѣ. Вѣтеръ, постепенно усиливаясь, перешелъ въ шквалы, и это вызвало бурю восторга на «Капитанъ Киддъ»: юные моряки находили такую погоду какъ разъ по себѣ, и Микко выразилъ надежду, что имъ хоть разъ да удастся выдержать «настоящую» бурю.

Но «Капитанъ Киддъ» зато былъ другого мнѣнія на этотъ счетъ. Первые три шквала повалили его на штирбортъ, и Тилли съ трудомъ выровняли судно. Экипажу пришлось выплеснуть десятокъ-другой черпаковъ воды и убавить и до того нищенскую парусность. Но все это было такъ похоже на приключеніе изъ добраго пиратскаго романа, что у мальчиковъ только заискрились глаза. Викъ, орудуя черпакомъ, кричалъ возбужденно:

— Всѣ къ помпамъ! Ура!

Лодка вихремъ промчалась мимо зеленаго домика Аренса и прошла вдоль высокаго каменистаго сѣверо-восточнаго берега острова. Ревъ прибоя, пѣнившася у отвѣсной стѣны скалъ, заставилъ мальчиковъ вдругъ понять всю опасность положенія. Что, если ихъ подхватитъ прибоемъ? Сразу лица стали серьезными. «Капитанъ Киддъ» замедлилъ ходъ и сдѣлалъ слабую попытку отшатнуться къ берегу. Тилли налегъ на руль. Это была томительная минута, въ которую лица мальчиковъ поблѣли, точно съ нихъ сразу смыло загаръ. Новымъ шкваломъ лодку подхватило и вынесло изъ опасной полосы. Она волчкомъ повер-

Катастрофы на морѣ.

Очеркъ Л. Гданскаго.

9-го сентября Рига была потрясена вѣстью о гибели парохода «Нейбадъ», совершавшаго рейсы между Ригой и Гайнашемъ — мѣстечкомъ на границѣ съ Эстоніей.

Катастрофа совершилась съ поразительной быстротой: въ теченіе 10 минутъ пароходъ пошелъ ко дну.

На «Нейбадѣ» было 50 человекъ команды и пассажировъ. Несмотря на то, что онъ затонулъ въ 2½ верстахъ отъ берега вблизи дачной мѣстности Вецакенъ, спаслось всего лишь восемь человекъ.

Въ ночь на 17-ое сентября въ Балтійскомъ морѣ произошла другая катастрофа. Въ 40 миляхъ восточнѣе о-ва Эланды потергѣлъ крушеніе шведскій пароходъ «Дагмаръ».

«Дагмаръ» направлялся изъ Данцига въ Швецію. Поднялась буря. Громадныя волны, обрушившіяся на палубу парохода, проломилы кормовой люкъ, и въ трюмъ проникла вода. Усилія команды откачать воду ни къ чему не привели: волны продолжали обрушиваться на палубу и все больше заливали трюмъ. Тяжелый грузъ — каменный уголь, — которымъ судно было набито доверху, способствовалъ гибели: пароходъ сталъ погружаться кормовой частью и черезъ часъ исчезъ въ морской пучинѣ.

Команда и капитанъ успѣли въ шлюпкахъ покинуть судно.

Насчастливымъ пришлось 48 часовъ провести въ лодкахъ, борясь съ волнами. Вода захлестывала шлюпки, изъ которыхъ одна къ тому же получила течь при спускѣ съ судна.

Люди коченѣли отъ холода и умирали. Изъ 20 человекъ, сѣвшихъ въ лодки съ борта «Дагмаръ», остались въ живыхъ только 10, но и эти были близки къ смерти отъ холода и изнуренія. Въ самомъ жалкомъ состояніи подобралъ ихъ, наконецъ, англійскій пароходъ «Паддингтонъ», направлявшійся въ Ригу.

Въ связи съ этими осенними жертвами моря, вспоминаются различныя мор-

скія катастрофы прошлаго, уносившія много жизней.

Изъ нихъ самая грандіозная — крушеніе парохода «Титаникъ», океанскаго гиганта, рассчитаннаго на 2000 пассажировъ. Этотъ левиафанъ, которому не страшны были никакія бури, погибъ почти мгновенно, наскочивъ на ледяную глыбу. Катастрофа произошла съ такой быстротой, что, несмотря на обиліе спасательныхъ средствъ и близость другихъ пароходовъ, успѣвшихъ на помощь, не было возможности подумать о спасеніи. Громадное большинство пассажировъ утонуло вмѣстѣ съ пароходомъ. Подоспѣвшими на помощь судами были подобраны всего нѣсколько человекъ.

Эта катастрофа, случившаяся въ 1911 году, останется навсегда памятной среди моряковъ.

Каждый годъ море уноситъ сотни жертвъ — это какъ бы законная дань за вторженіе въ его загадочныя пустыни. Много трагическихъ моментовъ видятъ холодныя равнодушныя волны, — моментовъ борьбы, исполненной отчаянія и ужаса.

Въ 1909 году у мыса Сезамбръ затонулъ пароходъ «Гильда». Онъ потерпѣлъ крушеніе возлѣ маяка. Подать помощь не было возможности, и люди, цѣплявшіеся за обломки судна, гибли въ волнахъ по соседству съ яркимъ огнемъ маяка, говорящимъ о теплѣ, уютѣ и жизни.

Тридцать человекъ до утра висѣли на реяхъ затонувшей «Гильды». Половина изъ нихъ, окоченѣвъ отъ холода, сорвалась и упала въ воду. «Они падали одинъ за другимъ, точно шарики разорвавшихся четокъ, — рассказывалъ одинъ изъ оставшихся въ живыхъ, — не доносилось ни крика, ни стоны, слышно было только, какъ они глухо шлепались, ударяясь о волны».

По трагизму эта картина можетъ только сравниться съ ужасомъ гибели пассажировъ «Нейбады», тонувшихъ почти въ виду своего дома.

Въ морскихъ катастрофахъ не всегда бываютъ виноваты бури и подводные камни, — часто гибнуть суда отъ другихъ причинъ.

Моряки помнятъ гибель громаднаго грузового парохода «Атлантикъ», затонувшаго у береговъ Патагоніи по винѣ... груза.

устройствомъ въ трюмахъ продольной перегородки, мѣшающей зерну пересыпаться изъ стороны въ сторону.

— А все-таки я неспокоенъ, — говорилъ капитанъ: — зерно очень опасный грузъ, да и нашъ старый морской бродяга «Атлантикъ» сталъ плохъ и ему врядь ли выдержать боковую качку.

Осиротѣлые послѣ гибели „Нейбада“
Фото-картина А. Ридзненка.

Объ этой катастрофѣ подробно разсказалъ на страницахъ американской газеты помощникъ капитана «Атлантика»:

«Ночь была лунная, но безпокойная и бурная. Яростно пѣнясь и шумя, накатывались одна на другую высокія темныя волны.

Старый пароходъ скрипѣлъ и стоналъ, напрягая всѣ усилія, чтобы удержаться на гребняхъ волнъ. Часто тревожно справлялся у старшаго штурмана насчетъ нагруженной въ трюмахъ «Атлантика» пшеницы опытный бывалый капитанъ Вильямъ Бачъ, стоя на мостикѣ корабля. И каждый разъ былъ одинаковъ отвѣтъ штурмана:

— Все предусмотрено, капитанъ, — я самъ наблюдалъ въ С.-Франциско за

И точно нарочно, въ эту минуту дряхлый «Атлантикъ» сдѣлалъ такой кренъ, что зачерпнулъ лѣвымъ бортомъ воды и съ полминуты не могъ придти въ равновѣсіе...

Капитанъ отдалъ рулевому приказъ держать право, но было уже поздно. Накрепясь все сильнѣе, пароходъ глубже и глубже зарывался въ бѣлыхъ гребняхъ высокіхъ волнъ. Съ минуты на минуту ждали капитанъ и оба штурмана, что ихъ судно ляжетъ на правый бортъ. «Атлантикъ» уже не повиновался рулю.

Вся команда была созвана на палубу, но что она могла сдѣлать? Никакая человѣческая сила не могла удержать на мѣстѣ сыпавшееся на одну сторону зер-

Они падали одинъ за другимъ...

но. Нечего было и думать дойти до береговъ Южной Америки.

Буря начинала стихать, но это ничуть не облегчало участи несчастныхъ моряковъ «Атлантика». Попрежнему бросалась на правый бортъ боковая зыбь, и все ниже и ниже въ глубокомъ молчаніи погружался пароходъ въ темную воду. Только винтъ машины скрипѣлъ жалобно, почти отсчитывая минуты, которыя остается жить злополучному «Атлантику».

Отважнымъ морякамъ, испробовавшимъ уже все, чтобы спасти гибнущее судно, оставалось теперь только одно: пока «Атлантикъ» еще не перевернулся и не затонулъ, снарядить шлюпки и въ нихъ идти къ берегу.

Проходила ночь. Совсѣмъ готовые къ отплытію стояли матросы и ждали приказанія спустить на воду шлюпки, но капитанъ медлилъ. Онъ велѣлъ кочегарамъ нагнать какъ можно сильнѣе паръ, чтобы сдѣлать быстрый рѣзкій поворотъ судна, — если бы это удалось, зерно въ трюмахъ пришло бы въ равновѣсіе. Вся команда работала у котловъ, помогая кочегарамъ; котлы звенѣли отъ

страшнаго напора пара... Наконецъ попробовали сдѣлать поворотъ

Повидимому, судьба была противъ смѣлыхъ моряковъ «Атлантика». Въ ту минуту, когда онъ еле-еле дѣлалъ кругъ и его корма была приподнята высокой зыбью, раздался сильный шумъ и трескъ. Это лопнулъ цилиндръ...

Объятые страхомъ еле успѣли выскочить на палубу и вбѣжать на спаръ-дѣкъ механикъ и кочегаръ, какъ весь носъ парохода погрузился въ воду. Онъ словно дожидался выхода изъ машиннаго отдѣленія смѣльчаковъ...

Раздалась громкая команда капитана: — Шлюпки на воду!

Со свистомъ шлепнулись о воду два большихъ спасательныхъ бота, и черезъ минуту всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Ждали только капитана, его помощниковъ и механика, которые, стоя по грудь въ водѣ, старались открыть главный люкъ. Послѣ многихъ усилій доска люка была приподнята, и храбрецы увидѣли, что деревянная толстая перегородка въ трюмѣ была разрушена въ щепки, и весь грузъ зерна лежалъ на лѣвомъ борту парохода — правая сторона была пуста. Это-то и послужило причиной гибели «Атлантика».

Узнавъ все, что имъ надо было, отважный капитанъ и его товарищи перескочили черезъ бортъ, бывшій на одномъ уровнѣ со шлюпками, и заняли свои мѣста...

Было тихо вокругъ тонущаго парохода. Море успокоилось, довольное тѣмъ, что натѣшилось, посмѣялось надъ человекомъ; только изрѣдка разбивалась о правый бортъ парохода легкая длинная зыбь... А невдалекѣ плавно качались на зеленой водѣ, похожія на большихъ птицъ, двѣ бѣлыя шлюпки.

Капитанъ все еще медлилъ отплытіемъ — ему жаль было разстаться съ судномъ — хотѣлось видѣть конецъ.

Скоро «Атлантику» надоѣло, видно, наводить грусть на душу своихъ бывшихъ моряковъ — онъ нырнулъ носомъ въ высокій валъ зыби и медленно сталъ погружаться въ бездонную глубь Тихаго океана.

Прошла минута, двѣ, и на мѣстѣ судна появились выходившіе изъ его корпуса большіе пузыри... Скоро шлюпки поставили паруса и направились къ пустыннымъ берегамъ Патагоніи.

М. Ю. Лермонтовъ.

(Род. 3/15 окт. 1814 г. ум. 15 июля 1841 г.)

М. Ю. Лермонтовъ.

Когда мы говоримъ о родной поэзіи, первымъ съ нашихъ устъ слетитъ имя Пушкина, гений котораго вознесъ русскую поэзію на громадную высоту. А послѣ Пушкина у насъ вырвется имя Михаила Юрьевича Лермонтова — второго великаго русскаго стихотворца, умершаго, къ сожалѣнію, слишкомъ молодымъ и потому не проявившаго всего своего гения.

Но несмотря на то, что Лермонтовъ умеръ на 27-мъ году жизни, онъ успѣлъ дать родной литературѣ очень много. Стихи его гениальны, какъ по силѣ музыкальности и образности, такъ и по глубокому чувству и мастерству изображенія самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Они поражаютъ не только силой искусства, но и глубиной мысли, обличая въ авторѣ высоко-развитый умъ.

И дѣйствительно, Лермонтовъ развился очень рано. Въ 14 лѣтъ онъ прекрасно зналъ языки, прочелъ множество серьезныхъ книгъ и многое передумалъ о жизни и человѣческихъ отношеніяхъ.

Въ 15 лѣтъ онъ писалъ уже оригинальныя и глубокаго по замыслу произведенія, какъ напримѣръ, «Пророкъ» и «Поэтъ». Въ послѣднемъ особенно поражаетъ великое значеніе, которое придавалъ мальчикъ поэту, какъ возвѣстнику высокихъ думъ и благороднѣйшихъ чувствъ.

И эту точку зрѣнія на обязанность по-

эта Лермонтовъ сохранилъ до конца жизни.

М. Ю. Лермонтовъ родился 3 октября 1814 года въ Москвѣ въ домѣ своей бабушки, богатой вдовы-помѣщицы Арсеньевой.

Бабушка была умная женщина, но очень властолюбивая.

Единственная дочь вышла противъ ея воли замужъ за бѣднаго артиллерійскаго офицера Лермонтова, и этотъ бракъ Арсеньева считала позоромъ для семьи. Она не желала знать зятя, часто спорила съ дочерью, а когда родился внукъ, перенесла на него свою любовь и занялась его воспитаніемъ, устранивъ отъ него родителей.

Бабушка увезла дочь и маленькаго Мишу въ свое имѣніе Тарханы (въ Пензенской губ.), гдѣ черезъ два года будущій поэтъ осиротѣлъ, лишившись матери. Отца онъ видѣлъ рѣдко. Отецъ жилъ въ своемъ маленькомъ имѣніицѣ и навѣщалъ сына только по временамъ и ненадолго, такъ какъ встрѣчалъ у тещи очень неласковый приемъ. Умеръ онъ, когда Лермонтову шелъ шестнадцатый годъ.

На мальчика нехорошо повліяли неприязненныя отношенія бабушки къ его родителямъ. Онъ рано замкнулся въ себѣ. Бабушка любила и баловала внука, но онъ не питалъ къ ней особенно нѣжныхъ чувствъ.

Очень рано пристрастившись къ книгамъ, Лермонтовъ весь отдался чтенію и къ 12-му году перечиталъ все, что имѣлось въ бабушкиной библиотекѣ.

Въ 12 лѣтъ Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ въ Москвѣ, а въ 16 уже былъ студентомъ Московскаго университета.

Университета закончить Лермонтову не удалось: черезъ два года за школьную выходку съ однимъ профессоромъ его исключили. Тогда Лермонтовъ рѣшилъ поступить въ петербургское кавалерійское юнкерское училище.

Еще до поступленія въ пансіонъ, Лермонтовъ увлекался поэзіей. Пораженный произведеніями Пушкина и Байро-

на, онъ началъ самъ писать, подражая имъ, и тутъ проявился его талантъ, восхищавшій всѣхъ, кого посвящаль юный поэтъ въ свое творчество.

Въ юнкерскомъ училищѣ Лермонтовъ продолжалъ заниматься поэзіей и, выйдя въ гусары, не бросилъ любимаго занятія. Наоборотъ, онъ началъ къ этому времени пріобрѣтать широкую извѣстность, печатая свои стихи въ журналахъ.

Особенно прогремѣло его имя, когда онъ напечаталъ стихи «На смерть Пушкина». Въ этихъ стихахъ правительство усмотрѣло дерзость, и Лермонтовъ былъ переведенъ изъ гусаръ на Кавказъ въ захолустный армейскій полкъ.

Бабушка выхлопотала прощеніе своему любимцу и его въ томъ же году вернули обратно въ Царское Село, гдѣ стоялъ полкъ. Въ это время офицеръ-поэтъ написалъ «Пѣнь про купца Калашникова», увеличившую славу и поставившую его въ первые ряды русской литературы.

Затѣмъ одно за другимъ стали появляться произведенія Лермонтова, сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія. Въ

1839 г. онъ написалъ «Мцыри» и началъ романъ «Герой нашего времени».

Въ 1840 г. М. Ю. снова выслали на Кавказъ изъ-за какой-то вздорной дуэли. Уѣхавъ Лермонтовъ съ тяжелымъ предчувствіемъ въ душѣ. Безъ него вышли въ Петербургъ романъ «Герой нашего времени» и сборникъ избранныхъ стихотворныхъ произведеній. Русская критика восторженно встрѣтила эти книги, и вся Россія увидѣла въ поэтѣ достойнаго преемника Пушкина.

Но недолго тронъ русской поэзіи оставался занятымъ: ровно черезъ годъ — 15 іюля 1841 г. — Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли въ Пятигорскѣ у подошвы горы Машукъ офицеромъ Мартыновымъ.

Въ смерти, какъ и въ славі, судьбы двухъ русскихъ великихъ поэтовъ сплелись роковымъ образомъ.

Два выстрѣла — одинъ въ Удѣльненскомъ паркѣ подъ Петербургомъ и второй у подошвы Машука подъ Пятигорскомъ — навѣки останутся памятными для насъ...

Они прервали творческую жизнь величайшихъ гениевъ русскаго искусства.

Плѣнитель юношества.

Къ 75-лѣтію со дня смерти Фенимора Купера.

Есть имена, одинаково близкія и дорогія всѣмъ, независимо отъ возраста и національности. Съ ними связаны мы частицей чего-то хорошаго, и, когда вспоминаемъ ихъ, теплое чувство пробуждается въ душѣ.

Къ такимъ именамъ принадлежитъ и имя извѣстнаго англійскаго писателя Фенимора Купера, умершаго 20 сентября 1851 г. Имя его, несомнѣнно, хорошо знакомо и вамъ, читатели, потому что нѣтъ юноши на свѣтѣ, который бы не читалъ романовъ Купера и не восторгался бы ими.

Кто изъ васъ не бродилъ со «Звѣробоемъ» по дикимъ дебрямъ Гудзона? Кто вмѣстѣ со «Слѣдопытомъ» не терзался участіемъ бѣлыхъ, осажденныхъ въ блокгаузѣ на островѣ, а съ Соколинымъ глазомъ не воевалъ съ коварными ирокезами въ романѣ «Послѣдній изъ могн-

канъ»? Кто, наконецъ, не плавалъ съ очаровательнымъ «Плѣнителемъ моря» или страшнымъ «Краснымъ корсаромъ» по необозримой глади океана, такъ тонко и художественно воспѣтой Куперомъ?

Съ именемъ Купера связываютъ насъ его прекрасные, мастерскіе романы. Но мы много читаемъ романовъ, и далеко не всѣ оставляютъ въ насъ глубокое впечатлѣніе, неизгладимое на всю жизнь. Иногда интересный романъ забывается спустя нѣсколько дней послѣ прочтенія, и приключенія его героевъ перестаютъ волновать насъ.

Почему?

Потому что романистъ не захватилъ насъ. Интересный по фабулѣ романъ его ничего не сказалъ нашей душѣ. Закрывъ книгу, мы захлопнули и нашу душу для автора.

Для того, чтобы проникнуть въ душу читателя, необходимъ особый даръ, называемый талантомъ.

Этимъ даромъ проникнута каждая страница Купера. Каждая строчка его дышитъ вдохновеніемъ. Образы героев его обрисованы такими сочными яркими красками, что, запавъ въ душу, уже не тускнѣютъ въ ней.

Въ этомъ преимущество Купера.

Куперъ — большой, глубоководаренный писатель. Въ своихъ произведеніяхъ онъ выводилъ натуры цѣльныя, нетронутыя жизнью. Онъ — поклонникъ благороднѣйшихъ качествъ человѣка, и все творчество его проникнуто исканіемъ этихъ благородныхъ чертъ. И онъ находилъ ихъ въ людяхъ простыхъ, оторгнутыхъ отъ культуры.

Таковъ трогательный по простотѣ, но глубокой по душевнымъ качествамъ его любимый герой, встрѣчающійся въ цѣломъ рядѣ романовъ — Натти Бумпо — звѣробой, слѣдопытъ, онъ-же гроза индѣйцевъ, «Соколиный глазъ» и «Длинноствольная винтовка»; наконецъ онъ-же «Кожаный чулокъ» — на исходѣ своихъ дней.

Натаніэль Бумпо — дитя лѣсовъ, но въ этихъ лѣсахъ онъ сохранилъ чистоту души, близость къ Богу и неисчерпаемое благородство. Натти Бумпо хотя и некультуренъ, но выше окружающихъ его культурныхъ людей: ему чужды ложь, неправда, обманъ ради личной выгоды и лести.

И другъ его, индѣецъ Чингахгукъ, та-

кой же. Правда, въ Чингахгукѣ говорить иногда природная кровожадность, но это почти не умаляетъ его человѣческихъ достоинствъ.

Благородство и дѣлаетъ близкими намъ образы героев Купера. Они незабываемы, какъ незабываемъ, напримеръ, чудакъ-рыцарь Донъ-Кихотъ, какъ незабываемъ Пятница Робинзона.

Кромѣ этихъ достоинствъ, романы Купера отличаются рѣдкой художественностью.

Куперъ — поэтъ, и большой поэтъ къ тому же. Страницы, посвященныя описанію моря или дикой природы Америки, проникнуты у него истиннымъ вдохновеніемъ и чаруютъ, захватываютъ читателя. Онъ не потеряли свѣжести очарованія и сейчасъ, хотя многія изъ нихъ написаны сто лѣтъ тому назадъ.

Въ романахъ Купера есть и еще одно достоинство — это хотя и «романы», но ихъ можетъ читать каждый юноша, безъ всякаго ущерба для себя. Они не предназначались для юношества, ихъ читалъ въ свое время весь міръ, но авторъ сумѣлъ ихъ сдѣлать такими, что ни одна юная головка, прочтя эти романы, не восприметъ ничего дурного, ни тѣни отъ скверноты человѣческой.

Они чисты, благородны и будятъ въ душѣ только высокія, хорошія чувства.

И потому они не умрутъ такъ же, какъ не суждено умереть «Робинзону Крузо» и «Донъ Кихоту Ламанчскому», ставшимъ неизмѣнными спутниками юношества.

Л. К.

Конкурсъ фотографовъ.

Наводненіе въ Ковно. Фот. Давида Брэвина.

ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Птицы-носороги.

Очеркъ Гарри Джонстона.

Трудно найти въ пернатомъ царствѣ болѣе странныя фигуры, чѣмъ птицы-носороги. Величина ихъ колеблется между размѣрами нашей вороны и индюкомъ.

Главная особенность этихъ птицъ — наросты, украшающіе основаніе верхней части большого и изогнутаго клюва. Наросты эти бываютъ разнообразной формы въ зависимости отъ разновидности птицъ. У нѣкоторыхъ видовъ наростъ образуетъ какъ будто племъ, нахлобученный на глаза.

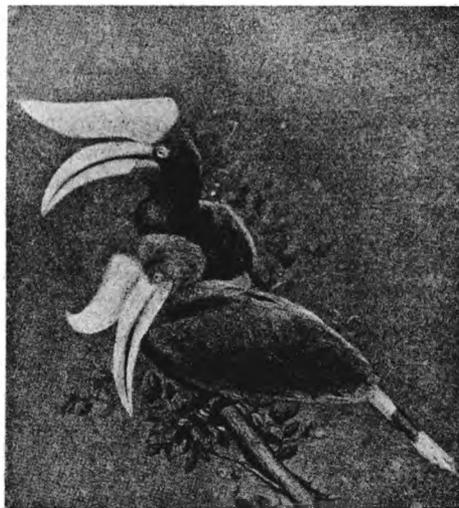
Обитаютъ птицы-носороги въ тропическихъ областяхъ Азии и Африки. Много ихъ въ Индіи, на Малайскомъ архипелагѣ и на Островѣ Цейлонѣ; довольно богатъ ими и пернатый міръ Африки.

Большинство птицъ-носороговъ обладаетъ блестящимъ чернымъ опереніемъ съ металлическими зелеными и синими отливами и грязно-бѣлыми пятнами, но встрѣчается также каштаново-бурая окраска различной густоты.

Внѣшность птицы-носорога устрашающая. Особенно внушительнъ громадный клювъ, снабженный острыми зазубринами по краямъ, точно зубами. Нужно замѣтить однако, что птицы-носороги никогда не пользуются этимъ оружіемъ для нападенія. На самомъ дѣлѣ ихъ громадный клювъ далеко не такъ страшенъ, какъ кажется: несмотря на устрашающіе размѣры, онъ очень слабъ.

Оборонительнымъ оружіемъ съ большимъ успѣхомъ служитъ птицѣ-носорогу ея неприятный трубный голосъ. У африканскихъ видовъ крикъ самца похожъ не то на ревъ осла, не то на вопли женщины. Этотъ вой пугаетъ не только туземцевъ, суевѣрно обходящихъ на почтительномъ разстояніи гнѣзда птицъ-носороговъ, но даже обезьянъ и кошекъ, которыя не прочь полакомиться иногда птенцами, несмотря на отвратительный вкусъ ихъ мяса.

Гнѣздятся птицы-носороги въ дуплахъ большихъ деревьевъ, по возможности

выше отъ земли, въ развилинѣ между двумя вѣтвями. Въ случаѣ необходимости, птицы сами расширяютъ помѣщеніе. На дно кладутся разныя щепки, сухія вѣточки, листья и пр.

Яицъ въ гнѣздо птица-носорогъ откладываетъ отъ 3 до 6. По окончаніи кладки самка садится на яйца, а самецъ замуровываетъ отверстіе дупла глиной, дѣйствуя клювомъ, какъ лопаточкой. Онъ оставляетъ лишь такое отверстіе, въ которое самка можетъ высунуть клювъ и голову. Такъ она и остается замурованной, пока не выведутся птенцы. За это время самецъ усердно кормитъ самку настѣжками, мелкими пресмыкающимися, падалями и плодами.

Послѣ вывода птенцовъ, самка и самецъ совмѣстными усиліями разламываютъ затвердѣвшую глину и попеременно стерегутъ голенькихъ дѣтенышей, пока тѣ не подрастутъ.

У туземцевъ существуютъ различныя повѣрія относительно причинъ, заставляющихъ самца замуровывать самку. Такъ, на примѣръ, малайцы увѣряютъ, что самка птицы-носорога очень плохая мать и, отложивъ яйца, стремится покинуть гнѣздо. Чтобы удержать ее отъ

легкомысленнаго поступка, самецъ вынужденъ замуровывать гнѣздо.

На самомъ же дѣлѣ наблюденія надъ жизнью птицъ-носороговъ показали, что

самка во время высидыванія птенцовъ линяетъ, сбрасывая всѣ перья. Она при этомъ ослабѣваетъ до такой степени, что не въ состояннн не только отразить какое бы то ни было нападеніе, но и просто удержаться въ гнѣздѣ. Чтобы

обезопасить ее, самецъ и прибѣгаетъ къ описанной выше мѣрѣ.

Эта трогательная заботливость самца объясняется не просто слѣпымъ инстинктомъ. Птицы-носороги очень привязчивы и вѣрны: пара ихъ, однажды соединившись, не разстается до конца жизни.

Извѣстный зоологъ Тиккель, наблюдая надъ жизнью птицъ-носороговъ, отмѣтилъ въ высшей степени трогательный случай.

Пара птицъ-носороговъ породы хомрай обитала въ теченіе многихъ лѣтъ въ дуплѣ большого дерева. Однажды мальчикъ-туземецъ, играя, подстрѣлилъ самку изъ лука. На крикъ ея прилетѣлъ самецъ. Громаднымъ клювомъ онъ легко вытащилъ стрѣлу изъ раны, но это не помогло: подруга его умерла. «Нужно было слышать, — рассказываетъ Тиккель, — ужасные звуки, которыми выражалъ свою скорбь осиротѣлый суиругъ. Три дня и три ночи онъ не слеталъ съ гнѣзда, положительно не давая покоя дикими воплями, вырывавшимися изъ его клюва черезъ каждыя 3—4 минуты. Потомъ скорбь его приняла молчаливый характеръ. Онъ сидѣлъ надъ трупомъ подруги жизни нахохлившись еще два дня. На шестыя сутки трупъ его нашли подъ деревомъ: бѣдняга умеръ отъ тоски и голода.

Съ англ. Л. П.

ПО СВѢТУ.

Ураганъ во Флоридѣ.

Флорида — полуостровъ на юго-востоку сѣв. Америки — до сихъ поръ считалась однимъ изъ лучшихъ по климату уголковъ міра.

Во Флоридѣ не слишкомъ жарко; зимы же никогда не бываетъ. За послѣднія тридцать лѣтъ жители Флориды запомнили только шесть легкихъ ночныхъ заморозковъ. Вѣчная весна, теплая, пѣкшая и благоухающая царитъ на этомъ полуостровѣ. И само названіе его означаетъ «цвѣтушая».

Въ климатѣ Флориды все равномерно. Тамъ не бываетъ ни проливныхъ дождей, ни продолжительныхъ засухъ.

Благодаря этому, обитатели Флориды никогда не знали неурожаевъ.

Не знали они и стихійныхъ бѣдствій. Послѣдняя буря, которую помнятъ старожилы, была около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ.

Неудивительно, что рѣдкія климатическія условія Флориды привлекли вниманіе америкапскихъ богачей, понастроившихъ тамъ себѣ виллы для лѣтняго отдыха. Этими виллами особенно блистаетъ курортъ Міами на восточномъ берегу Флориды, на такъ называемомъ Пальмъ-Бичъ (пальмовомъ берегу).

Кромѣ курорта Міами во Флоридѣ рас-

положенъ и знаменитый кинематографическій городъ Холливудъ, въ которомъ создавались всѣ знаменитыя американскія кино-картины, восторгавшія васъ на экранѣ.

Въ ночь съ 17 на 18 сентября вдругъ разразился страшный ураганъ, пронесшійся надъ Флоридой и положившій конецъ ея долгому невозмутимому покою. Въ два часа ночи ураганъ достигъ неслыханной силы. Подъ его напоромъ волны хлынули на берегъ и буквально смели съ лица земного курортъ Миами.

Ураганъ свирѣпствовалъ девять часовъ. Отъ вѣтра и бушующихъ волнъ рушились не только обыкновенные дома, но и желѣзо-бетонныя громады небоскребовъ.

Невозможно описать, что творилось въ городѣ. Люди тысячами гибли подъ обломками домовъ и въ разъяренныхъ волнахъ. Роскошныя яхты миллиардеровъ и суда, находившіяся въ гавани, были выброшены на берегъ и превращены въ щепы.

Кромѣ Миами пострадали и другіе города: Мурсъ-Гевоу разрушенъ почти до основанія; въ Холливудѣ остался цѣлымъ только одинъ домъ.

Количество жертвъ урагана еще не выяснено. Пока отмѣчено нѣсколько сотъ осиротѣлыхъ дѣтей.

Акула-обличительница.

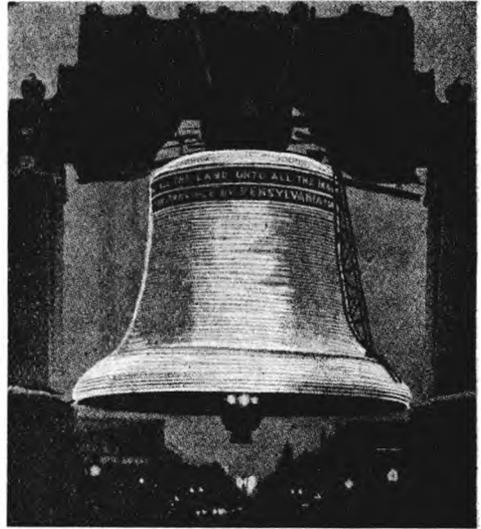
Возвъ спиртныхъ напитковъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты воспрещенъ, и таможенная полиція подвергаетъ каждое прибывшее судно тщательному обыску, чтобы ни одна капля спиртного не проникла въ страну, гдѣ потребление алкоголя запрещено закономъ.

Любители алкоголя платятъ большія деньги за запретныя напитки, и это прельщаетъ контрабандистовъ, ухитряющихся иногда обмануть бдительность таможенныхъ.

На этой почвѣ недавно произошелъ курьезный случай.

Въ Нью-Йоркѣ пришелъ пароходъ «Гекла», груженный пенькой. У капитана и команды имѣлось большое количество бутылокъ съ ромомъ, виски и другими напитками. Капитанъ и команда сообщали упрятали весь запретный товаръ въ не-

«Колоколъ свободы».

Въ «Юномъ Читателѣ» была помѣщена статья, посвященная 150-лѣтню провозглашенія независимости Америки. На устроенной по случаю этого юбилея выставкѣ въ Филадельфіи всеобщее вниманіе привлекаетъ повѣшенный у входа громадный «Колоколъ свободы», высота котораго достигаетъ десяти сажень. Особенно красивъ колоколъ вечеромъ, когда зажигаются украшающія его электрическія лампочки, которыми въ количествѣ 36.000 покрытъ снаружи весь колоколъ.

большіе жестяные ящики и опустили ихъ на проволокахъ за бортъ. Боцманъ же, очень хитрый человекъ, прикрѣпилъ свой ящикъ къ тонкой, но очень прочной стальной цѣпочкѣ, которую провелъ сквозь мусорную трубу за бортъ такъ, что снаружи ничего не было видно.

Приѣхали таможенники, обыскали судно сверху донизу, но ничего не нашли и отправились въ каюту капитана поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ.

Спустя нѣсколько минутъ чиновники сошли съ парохода и сѣли въ шлюпку, чтобы ѣхать на берегъ. Къ общему удивленію огромная, футовъ въ 20, акула все время плавала между пароходомъ и шлюпкой, привезшей чиновниковъ. Матросы со шлюпки, желая прогнать ее, ударили отпорнымъ крюкомъ, но акула не двинулась ни на шагъ. Тогда

матросы со шлюпки закричали, чтобы имъ подали съ берега гарпунъ.

Акула была поймана, но выяснилось, что стащить ее съ мѣста не такъ легко: она оказалась на буксирѣ у парохода, прикованная къ нему длинной тонкой цѣпочкой.

Втащили пойманнаго хищника на палубу и въ немъ нашли принадлежавшій боцману ящикъ съ контрабанднымъ товаромъ. А вслѣдъ за тѣмъ отыскиали и еще нѣсколько десятковъ такихъ ящиковъ, обыскавъ воду воулѣ бортовъ судна.

Негативный процессъ.

Моментъ экспонирования (освѣщеніе пластинки) и является моментомъ, когда свѣтъ заноситъ на чувствительную пластинку изображение.

Дѣйствіе свѣта въ данномъ случаѣ чисто химическое. Свѣтъ разлагаетъ содержащееся въ свѣточувствительномъ слоѣ бромистое серебро, при чемъ разложенію въ большей степени подвергаются тѣ мѣста слоя, куда падаетъ большее количество свѣтовыхъ лучей. Степень разложенія бромистаго серебра и обусловливаетъ комбинацію свѣта и тѣней, необходимую для полученія изображенія.

Лабораторія.

Увидѣть результаты фотографирования на пластинкѣ сразу послѣ экспозиціи невозможно: пластинка нашему глазу покажется почти не измѣнившейся. Чтобы сдѣлать видимой работу свѣтовыхъ лучей, необходимо подвергнуть пластинку дѣйствію нѣкоторыхъ веществъ. Эта работа называется проявленіемъ негатива.

Проявленіе нельзя производить при дневномъ свѣтѣ — малѣйшее вліяніе этого свѣта испортитъ все дѣло. Поэтому фотографъ нуждается для работъ по проявленію въ темной комнатѣ. Комната эта называется лабораторіей (отъ латинскаго слова labor — трудъ).

Фотографъ-любитель лабораторію свою можетъ устроить въ чуланѣ, кладовой,

уголкѣ коридора и т. д. Одно нужно помнить: ни луча дневнаго свѣта не должно проникнуть въ лабораторію во время работы. Для этого всѣ отверстія, пропускающія свѣтъ, должны быть задыланы, а окна плотно занавѣшены темной (лучше черной) матеріей или заклеены черной бумагой.

Работать въ полной темнотѣ, конечно, невозможно. Ислѣдованія дѣйствія тѣхъ или иныхъ свѣтовыхъ лучей показали, что красный, зеленый и желтый свѣтъ менѣе всего вліяютъ на свѣточувствительную пластинку.

Поэтому фотографы пользуются въ лабораторіи краснымъ или оранжевымъ свѣтомъ.

Въ продажѣ имѣются готовые фонари для лабораторіи, но хорошіе очень дороги, дешевые же неудовлетворительны. Лучше всего приготовить самому стекло для фонаря слѣдующимъ образомъ:

Вырѣзать по размѣру фонаря два стекла и одно изъ нихъ облить растворомъ 1 части хризодина и 10 частей желатина въ 200 куб. сант. воды; второе облить растворомъ 5 частей радоллина и 10 частей желатина въ 200 куб. сант. воды.

Затѣмъ взять листъ бумаги и вымочить его въ растворѣ 2 частей ауранція на 200 куб. сант. воды*).

*) Всѣ указанная вещества можно купить въ магазинахъ, торгующихъ фото-химикаліей, а также и въ аптекарскихъ складахъ.

Когда бумага высохнет, ее вкладывают между стеклами, приготовленными указанным выше способом, при чем стекла должны соприкасаться с бумагой сторонами, покрытыми растворами. Отрѣзавъ края бумаги, стекла вставляютъ въ фонарь.

Приготовленное такимъ образомъ стекло не пропускаетъ никакихъ лучей, вредно дѣйствующихъ на пластинку, и обезпечиваетъ наибольшій успѣхъ въ работѣ.

Устроивъ темную комнату и освѣщеніе въ ней, надо позаботиться о мебели и принадлежностяхъ работы.

Въ лабораторіи долженъ быть столъ, достаточно помѣстительный для того, чтобы можно было размѣстить на немъ все, что понадобится для проявленія.

Прежде всего необходимы особыя чистые рѣзугульные ванночки для проявленія, промывки и т. д. Ванночки или кюветы (какъ ихъ называютъ фотографы) должны быть заготовлены въ количествѣ, позволяющемъ безъ труда обработать необходимое число пластинокъ. Кромѣ кюветъ нужно имѣть мензурку (сосудъ для измѣренія жидкостей), склянки съ растворами и станокъ или щипцы для сушки пластинокъ. Кромѣ того нужно имѣть посуду для чистой воды и для слива отработанныхъ жидкостей.

Какъ нѣкуда, кюветы, такъ и столъ, и руки работающаго должны быть совершенно чисты.

Пластинки или свѣточувствительную бумагу, переноса изъ раствора въ растворъ, необходимо каждый разъ промывать въ чистой водѣ.

Проявленіе негатива.

Чтобы сдѣлать видимымъ изображеніе, запечатлѣнное свѣтомъ на пластинкѣ, необходимо подвергнуть послѣднюю нѣкоторой обработкѣ химическими составами.

Вынувъ изъ кассеты пластинку, помещаютъ ее въ растворъ, который окрашиваетъ въ черный цвѣтъ бромистое серебро, подвергшееся дѣйствію свѣта. Эта окраска и даетъ изображеніе предмета, вѣрнѣе его наиболѣе свѣтлыя мѣста.

Серебро, не подвергшееся дѣйствію свѣта, останется въ проявителѣ неизмѣненнымъ и обусловитъ на пластинкѣ тѣмныя части фотографированнаго.

Конкурсъ фотографовъ.

Уголокъ озера въ Алуксне.
Фот. С. Игнатьева.

Въ зависимости отъ времени экспозиціи и продолжительности проявленія зависятъ и сила полученнаго изображенія.

Проявленная пластинка даетъ негативное изображеніе. Въ немъ мы видимъ все какъ бы противоположнымъ дѣйствительности: свѣтлыя мѣста изображенія на негативѣ будутъ черными, а темныя — свѣтлыми.

Съ этого негатива мы можемъ получить сколько угодно уже настоящихъ изображеній, путемъ перевода ихъ (при помощи свѣта-же) на свѣточувствительную бумагу.

Сама работа по проявленію негатива сводится къ слѣдующему:

Вынувъ пластинку изъ кассеты, предохраняя ее даже отъ дѣйствія краснаго свѣта, опускаютъ въ кювету съ проявителемъ.*)

Прикрывъ кювету картономъ или крышкой, покачиваютъ ее, слѣдя за тѣмъ, чтобы растворъ покрылъ весь слой пластинки и чтобы на немъ не образовались воздушныя пузырьки.

Черезъ нѣкоторое время на пластинкѣ начнетъ появляться изображеніе, за которымъ слѣдятъ, приподнимая крышку съ кюветы, но не вынимая пластинки. Чѣмъ тоньше слой проявителя надъ пластинкой, тѣмъ лучше.

Правильно экспонированная пластинка проявляется постепенно, окрашиваясь сначала въ наиболѣе свѣтлыхъ мѣ-

*) Прим.: Проявитель продается въ готовомъ видѣ въ упаковкахъ — патронахъ, рассчитанныхъ на опредѣленное количество пластинокъ. Составъ нужно только растворить въ водѣ.

стахъ, а затѣмъ въ темныхъ. Проявленіе продолжается до полного выявленія подробностей снимка.

Хорошо проявленный негативъ при разматываніи на свѣтъ долженъ быть такой густой окраски, чтобы она нѣсколько покрывала полутона въ тѣневыхъ мѣстахъ. При отраженномъ свѣтѣ свѣтлыя мѣста негатива должны казаться сѣроватыми, какъ бы покрытыми дымкой.

Недопроявленные негативы сохраняютъ очень гармоничные переходы отъ свѣта къ тѣни, но въ отпечаткахъ даютъ вялыя изображенія; перепроявленные даютъ черезчуръ рѣзкія бѣлыя мѣста и очень черныя тѣни.

Недодержанная, то-есть недостаточно экспонированная, пластинка проявляется медленнѣе, чѣмъ правильно экспонированная. Тѣневые мѣста на ней не окрашиваются, а свѣтлыя выхо-

дятъ чрезмѣрно черными. Копіи съ такого негатива получаютъ плохія и жесткія (сухія по тонамъ).

Передержанная, то-есть слишкомъ долго экспонированная, пластинка сначала очень быстро проявляется, но затѣмъ начинаетъ сѣрѣть и, не достигнувъ требуемой густоты, вуалируется (покрывается дымкой). Отпечатокъ съ такого негатива получается вялый.

При фотографированіи трудно произвести совершенно точную экспозицію, и потому, проявляя пластинку, нужно брать сперва слабый проявитель, усиливая или ослабляя его, смотря по необходимости.

Выборъ проявителя зависитъ отъ сорта или характера пластинокъ. Лучше всего пользоваться рецептами, указываемыми фабриками пластинокъ.

И. Борисъ.

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

Спортивная жизнь Риги бьетъ ключомъ. Лѣтній сезонъ на исходѣ, и по веѣмъ видамъ спорта подводятся послѣдніе итоги. Съ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ, что и русскіе внесли сюда свою маленькую лепту. Устроены газетой «Слово» и журналомъ «Новая Недѣля» легко-атлетическій конкурсъ прошелъ блестяще и внесъ новую свѣжую струю въ спортивную жизнь Риги.

Конкурсъ заинтересовалъ самые широкіе спортивные круги, и побѣдителемъ изъ него вышелъ выдающійся латвійскій бѣгунъ Мотмиллеръ, покрывшій дистанцію въ 28 километровъ въ 1 часъ 31 мин. 9 сек. Ему была выдана почетная награда — большой серебряный кубокъ. По легкой атлетикѣ въ послѣднее время въ Ригѣ прошли два крупныхъ событія: международныя состязанія въ «Унионѣ» и мастерство Латвіи. Международныя состязанія по легкой атлетикѣ, устраиваемыя спортивнымъ обществомъ «Уни-

онъ» на протяженіи 15 лѣтъ всегда представляли собою интересъ. Въ этомъ году, какъ и въ предыдущихъ, записъ на состязанія была обширная. Заявлены были представители Польши, Германіи и Эстоніи. Но въ силу чисто техническихъ условій, изъ иностранцевъ на состязанія прибыли только эстонцы — многолѣтніе побѣдители на полѣ «Униона».

Состязанія прошли весьма оживленно и оставили въ публикѣ прекрасное впечатлѣніе. Въ осмиваніи первенства принимали участіе такіе мастера своего дѣла, какъ бѣгунъ Г. Тисфельдъ, выигравшій въ этомъ году въ бѣгѣ кубокъ гор. Риги, Г. Кибельтъ, которому достался кубокъ метаній, и прыгунъ Э. Бергъ, вторично взявшій почетный призъ за троеборіе въ прыжкахъ. На этихъ же состязаніяхъ выдѣлился рижскій рекордсменъ въ толканіи ядра — Гуго Витоль, поставившій новый рекордъ —

13,93 м. (Старый рекордъ — его же 13,82 м.).

Состязанія на мастерство Латвіи по легкой атлетикѣ прошли сверхъ ожиданія удачно и ознаменовались рядомъ новыхъ рекордовъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе достиженія женщинъ-спортсменокъ: Эльвиры Карлсонъ и г-жи Даукше. Первая — прекрасная атлетка. Она много лѣтъ подрядъ была побѣдительницей на всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ состязаніяхъ въ толкани ядра. Э. Карлсонъ въ отчетныхъ состязаніяхъ сумѣла улучшить свой же рекордъ, достигнувъ въ толчкѣ сильнѣйшей рукой 9,39 м. Даукше же, въ бѣгѣ на 400 метровъ, поставила новый латвійскій рекордъ со временемъ 1 мин. 6,4 сек. Изъ мужчинъ выдѣлились Йорданъ («Марсъ», показавшій въ этомъ году лучший бросокъ диска — 43,09 м.) и молодой многообѣщающій метатель Г. Захсъ (Либава, «Олимпія»).

Прекрасно прошла также олимпійская эстафета, побѣдительницей въ которой вышла команда «Уніона», въ составѣ: Столыгво, Вильке, С. Фрелихъ и Икаль. Состязанія устраивались въ спортивномъ общ. «Л. С. О.», которое и выиграло въ этомъ году переходящій призъ того же имени, собравъ 45 пунктовъ. На второмъ мѣстѣ съ 28 пунктами осталось спорт. о-во «Уніонъ». Интересно также въ этомъ году прошелъ международный турниръ тенниса, устроенный первымъ рижскимъ Теннисъ-клубомъ. Благородный «Бѣлый спортъ» въ лучшихъ кру-

Файень (Эстонія).

гахъ Риги имѣетъ много поклонниковъ, изъ которыхъ, какъ напр.: Макферсонъ, оба Кузнецовы и Берентъ (женщина-игрокъ), являются величинами въ международномъ масштабѣ. Турниръ прошелъ очень оживленно, привлекъ массу публики и закончился побѣдой Макферсона. Изъ женскихъ состязаній побѣдительницей вышла рижанка Берентъ. Всеобщее вниманіе публики привлекъ своей красивой манерой игры эстонецъ Файень, занявшій въ турнирѣ 2-ое мѣсто.

Состоявшіяся 19-го сентября с. г. на подѣ Арміи государственныя состязанія въ футболъ между Латвіей и Эстоніей, закончились побѣдой эстонцевъ, со счетомъ 1:0. Пораженіе для Латвіи во всякомъ случаѣ неожиданное и явилось оно вслѣдствіе неудачнаго состава нашей команды. Состязанія Рига—Ревель закончились въ нашу пользу со счетомъ 3:2.

Въ тотъ же день на 13-мъ км. Митавскаго шоссе произошли послѣднія въ этомъ году скоростныя автомобильныя гонки, устроенныя первымъ Авто-клубомъ. Въ состязаніяхъ приняли участіе 18 машинъ лучшихъ европейскихъ и американскихъ марокъ. Всѣ машины по емкости куб. сантиметровъ были распредѣлены въ 6 классахъ. Побѣдительницей въ конкуренціи вышла машина «Альфа Ромео» съ гонщикомъ г. Якобсономъ у руля.

Ласнь 17 л. — мастеръ Эстоніи въ теннисѣ.

В. Богдановъ.

Начало зимняго сезона.

Черезъ двѣ-три недѣли начинаются осеннія состязанія въ баскетболъ. Въ этомъ году въ розыгрышѣ первенства участвуютъ всѣ прошлогоднія команды и, кромѣ того, нѣкоторыя новыя. Приметь участіе въ чемпионатѣ и молодая команда новообразовавшагося русскаго спортивнаго о-ва «Богатырь». Въ составѣ команды «Богатырь» имѣется нѣсколько хорошихъ игроковъ, и команда сможетъ занять видное мѣсто. На первыя мѣста выйдутъ, по всей вѣроятности, команды «Р. Ф. К.», «У. М. С. А.» и «Л. С. О.»

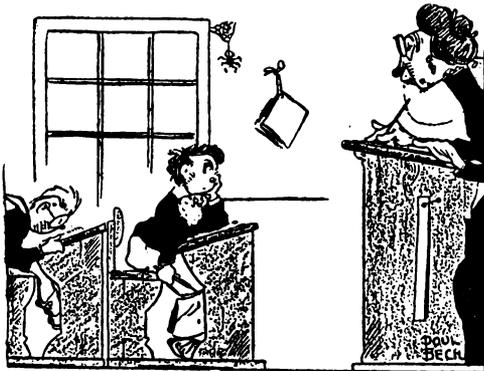
Начинаются и турнирные игры въ «пингъ-понгъ» — теннисъ на столѣ. Хорошихъ игроковъ въ «пингъ-понгъ» имѣетъ «Макжаби», «Гакоахъ», «Уніонъ» и «Р. Ф. К.». «Богатырь» также приметъ участіе въ этихъ состязаніяхъ. Званіе мастера Риги до сихъ поръ удерживается за Римбергомъ (Гакоахъ). Въ этомъ году имѣется много серьезныхъ кандидатовъ на званіе чемпиона.

Много интереснаго общается любителямъ спорта хоккейный сезонъ. Въ этомъ году ожидается суровая, снѣжная зима, и латвійскіе конькобѣжцы сумѣютъ показать свои блестящія способности. Къ началу января въ Ригу пріѣдутъ хоккейныя команды эстонцевъ и англичанъ, которыя выступятъ въ состязаніяхъ съ мѣстными командами. Пріѣдутъ къ намъ и знаменитые русскіе конькобѣжцы — Ипполитовъ и Мельниковъ, извѣстные всему спортивному міру. Они будутъ состязаться съ лучшими латвійскими, эстонскими и финскими конькобѣжцами. Чемпиономъ Латвіи въ бѣгѣ на конькахъ считается капитанъ Румба (Армейскій спортивный клубъ). Кромѣ конькобѣжцевъ въ этомъ году сумѣютъ показать себя и латвійскіе бѣгуны на лыжахъ.

Во всякомъ случаѣ, наступающая зима принесетъ много радости рижскимъ спортсменамъ.

Л. Б—гь.

Ю М О Р Ъ.

Школьникъ: — Вотъ тутъ и изворачивайся. Рѣшилъ эту задачу дома, получилъ отвѣтъ 141, а папа сказалъ — должно получиться 144, иначе онъ меня выдеретъ за уши. Сейчасъ рѣшилъ, и получилъ въ отвѣтъ 144, такъ учительница оставила безъ обѣда; говорить, должно получиться 141...

Посѣтельница: Скажи, дѣвочка, женщина съ бородой — твоя мама?

Дѣвочка: Нѣтъ... — папа.

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.

Рѣшеніе задачи № 33.

Анаграммы.

Обиліе присланныхъ отвѣтовъ доказываетъ, что эта новая задача имѣла успѣхъ у нашихъ читателей, дружными усилиями которыхъ общее число составленныхъ анаграммъ достигло рекордной цифры 65.

Вотъ слова, присланныя нашими читателями и читательницами:

1) Аа (рѣка), 2) Аба (толстое бѣлое желотію); 3) Авва, 4) Ага, 5) Адда (притокъ рѣки По), 6) Ада, 7) Аза, 8) Акка, 9) Алла, 10) Ама, 11) Ана (вавилонскій богъ), 12) Анна, 13) Ара, 14) Баб, 15) Боб, 16) Гиг (экипажъ), 17) Гогъ, 18) Дѣд, 19) Довод, 20) Доход, 21) Еже, 22) Еле, 23) Или, 24) Заказ, 25) Зараз, 26) Кабак, 27) Казак, 28) Как, 29) Кирик, 30) Кок, 31) Колок, 32) Комок, 33) Коток (котъ), 34) Кук, 35) Лал (рубинъ), 36) Мадам, 37) Мим, 38) Медем, 39) Наган, 40) Натан, 41) Ово, 42) Ого, 43) Око, 44) Око (мѣра вѣса), 45) Оно, 46) Орро (станція), 47) Отто, 48) Поп, 49) Потоп, 50) Пуп, 51) Репер, 52) Ротор, 53) Рур, 54) Тет-а-тет, 55) Тит, 56) Тот, 57) Тот (егип. божество), 58) Топот, 59) Угу, 60) Шабаш, 61) Шалаш, 62) Шиш, 63) Цыц, 64) Язя (болѣзнь), 65) Эгэ!

Наибольшее количество анаграммъ прислали:

1) Юра Кузьминъ, Мемель, Литва — 46 словъ;

2) Ирина Волкова, Дравоградъ, Словенія — 43 слова; (высланы двѣ первыя

преміи — отдѣльное изданіе «Дневника Проказника» въ красивыхъ колленкорovýchъ переплетахъ съ золотыми корешками).

3) Б. Секундо, Рига, 41 слово;

4) Андрей Бергманъ, Рига, 40 словъ;

5) Викторъ Микалкъ, Рига, 40 словъ: (высланы 3 преміи — крышки къ «Дневнику Проказника»).

Отъ 25 до 37 анаграммъ составили: Георгій Алегретти (Загребъ), I. Актинъ, Нина де Гаазъ, Гейманъ, Анат. Никаноровъ (всѣ — Рига), Петеръ и Пингъ (Рѣжица), Левъ Сапоновъ (Рига), И. Терентьевъ (Рѣжица).

Отъ 20 до 23 анаграммъ прислали 58 нашихъ читателей и читательницъ.

Задача № 35.

Изъ данныхъ четырехъ словъ — ГОРОД, ЛАНДО, ЛОМ, ТАЗИК — путемъ перестановки буквъ составить общезвѣстную поговорку, состоящую изъ четырехъ словъ.

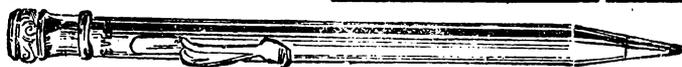
Рѣшенія должны быть присланы (безъ приложенія талоновъ) не позже 1 ноября. Фамилии правильно рѣшившихъ задачу будутъ напечатаны въ № 22 журнала.

Отдѣлъ «Юный Филателистъ» (конкурсъ и отдѣлъ обмѣна) по техническимъ условіямъ будетъ данъ въ № 20 нашего журнала.

**Со слѣдующаго номера возобновляется
отдѣлъ „Радио“.**

Совѣты и указанія начинающимъ любителямъ радіо.

Мечта каждого юнаго читателя — имѣть
EVERSHARP — Бѣчный карандашъ.

WAHL PEN — Вѣчное перо

у генеральнаго представителя для всей Прибалтики

„World Service“

В. А. ШИБАЕВЪ

Рига, Мал. Замковая 1, кв. 4, тел. 2-2-9-1-1.

Юные читатели имѣютъ бодрый, здоровый и прекрасный видъ, если кушаютъ ХАЛВУ и СЕМИТАКИ только марки

„Павлинь“

ФАБРИКА „ВОСТОКЪ“

Ф. Ф. КУТУЗОВЪ

РИГА, СТРУГОВАЯ № 2

ТЕЛ. 97078.

Школьники!

Ранцы, сумки, ученичск. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. ЦЫМЛОВЪ

Латвія, Рига Ул. Свободы № 7

Поч. ящ. № 218.

Тел. 80-32.

Въ моемъ изданіи вышли изъ печати и поступили въ продажу слѣдующіе учебники для русскихъ основныхъ школь:

- 1) **Разрѣзная азбука.** Классное пособие при обученіи грамотѣ. Русскій алфавитъ и цифры, наклеенные на картонѣ и упакованные въ коробкахъ. То-же латинскій алфавитъ.
- 2) **Азбука.** Русская азбука и цифры, наклеенныя на кубикахъ, съ иллюстраціями въ четыре краски. То-же латинскій алфавитъ.
- 3) **Флеровъ.** „Красное солнышко“. Наглядный русскій букварь. Азбука по В. Флерову и матеріалъ для чтенія по Л. Н. Толстому. Со многими рисунками.
- 4) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 1. Первая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 5) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 2. Вторая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 6) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 3. Третья книга для чтенія послѣ букваря. Съ 20 портретами русскихъ писателей и ихъ біографіями.
- 7) **Флеровъ.** Грамматика для 1—2 год. обученія. Со многими рисунками.
- 8) **Флеровъ.** Грамматика для 3—4 год. обученія. Со многими рисунками.
- 9) **Трояновскій.** „Природа и ея явленія“, ч. 1 Неорганическій міръ Растенія.
- 10) **Трояновскій.** „Природа и ея явленія“, ч. 2. Человѣкъ и животныя. Свѣдѣнія изъ физики.
- 11) **Чельцовъ.** Законъ Божій.
- 12) **Ананьинъ.** Всеобщая исторія. Курсъ основныхъ школь. Со многими рисунками.
- 13) **Ананьинъ.** Русская исторія. Курсъ основныхъ школь.
- 14) **Ланге.** Разказы изъ исторіи Латвіи. 2-е изданіе исправленное и дополненное. Со многими рисунками

Готовятся къ печати:

- 15) **Флеровъ.** Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ съ указаніемъ приѣмовъ обученія.
- 16) **Флеровъ.** Наши первыя сочиненія. Сборникъ упражненій въ изложеніи мыслей для основныхъ школь.

При издательствѣ имѣются пособия:

Стѣнные таблицы для класснаго преподаванія природовѣдѣнія:

БОТАНИКА: 1) Папоротникъ, 2) Хвощъ, 3) Кукушкинъ ленъ, 4) Грибы, 5) Спорынья. ЗООЛОГИЯ: 1) Тараканъ, 2) Муха, 3) Майскій жукъ, 4) Бабочка, 5) Паукъ. Картины времени года: Весна, Лѣто, Осень и Зима, а также географическія карты всѣхъ частей свѣта.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Заграницей: въ Европѣ 15 амер. центовъ, въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи — 20 амер. центовъ.